

Василий Орехов

СТОП!
ВЕДЕТСЯ ОГОНЬ
НА ПОРАЖЕНИЕ!

ЗОНА ПОРАЖЕНИЯ

Апокалипсис-СТ

Василий Орехов

Зона поражения

«Автор»

2007

Орехов В.

Зона поражения / В. Орехов — «Автор», 2007 — (Апокалипсис-СТ)

Их называют сталкерами. Искателей приключений и наживы, которые сквозь полосы препятствий и кордоны вооруженных до зубов миротворцев проникают в запретную аномальную Зону, в начале XXI века образовавшуюся вокруг Чернобыльской АЭС, – на территорию, где обитают чудовищные существа и подстерегают людей смертельные ловушки. Хемуль – один из них. Правда, в отличие от прочих он умеет не только проникать в Зону, но и возвращаться оттуда. Неудивительно, что именно ему поручили организовать в Зоне сафари для богатых интуристов. Удивительное началось потом. Когда за группой Хемуля начали активно охотиться и военные, и сталкеры-полумутанты, и просто мутанты, и даже мифические Хозяева Зоны. Да и его туристы, похоже, явились сюда вовсе не за острыми ощущениями...

© Орехов В., 2007

© Автор, 2007

Содержание

Глава 1. Свалка	5
Глава 2. Бар «Шти»	25
Глава 3. Алтарь Великого Червя	36
Глава 4. Охотники	46
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Василий Орехов

Зона поражения

Глава 1. Свалка

Безвыходных положений не существует в принципе. Согласно одной из легенд Зоны, именно это сказал Рэд Шухов своим спутникам за несколько мгновений до того, как они замуровали его живьем у основания бетонного саркофага Четвертого энергоблока.

Я лежал на склоне полуразмытой ливнями железнодорожной насыпи и сосредоточенно прислушивался к шелесту падающей с неба воды. Это было нечестно. Сволочной дождь мешал слушать Свалку, а значит, бессовестно подыгрывал преследователям. Уже дважды я резко вскидывался, уловив изменение тональности звука тонущих в лужах капель, но оба раза винюваты оказывались вороны, встряхивавшие мокрыми перьями в ветвях почерневших деревьев неподалеку. А вот едва уловимые шумы, которые производят крадущиеся по Зоне люди, дождь заглушал начисто.

Я осторожно приподнял голову над рельсом и снова пристально посмотрел на глубокий котлован, вырытый с противоположной стороны железнодорожной насыпи. Спускаться туда не хотелось абсолютно. Дерьмово там было, в котловане. Неприятно. Несмотря на то что солнце пряталось среди туч, мерцал в котловане одинокий световой зайчик, что-то периодически взблескивало среди травы, в переплетении ржавой арматуры и металлического лома, словно выцеливая меня оптическим прицелом. И еще оттуда устойчиво и неуютно тянуло жутью, тем паскудным чувством, которое возникает, когдаходишь один в незнакомую темную комнату. Мысль о том, что придется спускаться в котлован, царапала сознание, словно писк гвоздя, скребущего по стеклу.

Дима Шухов по кличке Рэд действительно нашел выход из безвыходной ситуации. Он стал Черным Сталкером – духом Зоны, ночным призраком, демоном для одних и ангелом для других. Он мог жестоко наказать любого за нарушение неписаных законов Зоны, а мог спасти, указав заблудившемуся сталкеру невидимую ловушку или безопасный обратный маршрут. Рассказывали, что некоторых он даже выводил ради каких-то своих соображений на особенно редкие и ценные артефакты. Однако меня такой исход дела не устраивал. Ну его к монахам. Мучительная смерть и дальнейшее призрачное существование не вписывались в мои ближайшие планы. Из создавшегося безвыходного положения мне необходим был другой, более приемлемый выход.

Я расстегнул камуфляжную куртку и бережно вытащил из внутреннего кармана небольшой серебряный портсигар. Эта штука беспокоила меня больше всего, даже больше сложившейся ситуации. Интересно, мне мерещится или портсигар действительно ощутимо нагрелся? А то, что сердце, возле которого я несу эту дрянь, время от времени куда-то проваливается и порой омерзительно замирает на мгновение – это последствия переутомления и выпитого накануне термоса крепкого кофе, или лучше все-таки переложить портсигар от греха подальше в рюкзак?..

Нет. Рюкзак запросто можно потерять, особенно когда приходится драпать без оглядки. Я потрогал портсигар кончиками пальцев, так и не решившись открыть его, и снова спрятал за пазуху. Ради этой штуки уже погибли двое сталкеров и в самое ближайшее время должны погибнуть еще трое. Или один – это уже как карта ляжет. Хотя для меня, конечно, предпочтительнее трое.

Оттянув обшлаг рукава, я бросил взгляд на экран ПДА. Датчик движения зафиксировал метрах в ста к северо-западу хаотические перемещения какого-то некрупного объекта – ско-

рее всего, отбившаяся от стаи слепая собака рылась в развалинах в поисках еды. Живые организмы размером с человека в окрестностях обнаружены не были – или просто не двигались, затаившись в кустах и наблюдая железнодорожную насыпь через прорези прицелов.

Заодно я проверил пришедшую на приемопередающее устройство почту. Так, для порядку. На почту мне сейчас по большому счету было накласть; на самом деле я просто оттягивал на несколько мгновений момент, когда мне все-таки придется спуститься в котлован.

ПДА принял только одно слово: «Договоримся?»

Я снова прислушался, пытаюсь среди шороха дождевых струй разобрать подозрительные шумы. Не было вокруг никаких шумов. Смахнув с экранчика портативного компьютера дождевую воду, я одним пальцем неуклюже отпечатал, куда следует пойти адресату; указание это уложилось в три коротких слова и вряд ли могло помочь посланному обнаружить точный адрес, зато прекрасно отражало мое отношение к предложению о переговорах и к личности самого переговорщика. В принципе, письмо, отправленное преследователем, могло быть просто хитрым тактическим приемом: приняв почту, виброзвонок ПДА обычно издавал негромкое жужжание, и это могло меня демаскировать. Однако я уже давно знал все эти штучки и последний час включал портативное средство связи лишь время от времени, по мере необходимости. Безнадежное это дело – ловить старую опытную щуку на голый крючок.

Адски зачесался левый глаз, и я безуспешно попытался потереть его рукавом куртки. Пальцами, перемазанными свежей глиной, лезть в глаза я не рискнул. К чему там у нас чешется левый глаз?.. Если долго глаз тереть, очень можно умереть. Шутка юмора, родил Енот. Убить бы гада за такой юмор.

Обостренным звериным чутьем я улавливал гуляющие по Зоне запахи. Все здесь пахло не так, как за пределами Периметра. Запахи обжигали носоглотку, въедались в кожу, проникали во внутренности. Кислая гарь – сгорела бывшая подстанция возле бывшего завода «Росток». Озоновые оттенки – искрят мясорубки в долине. Вонь протухших яиц, смешанная с уксусными миазмами, – ядовитый туман с Болота ползет в сторону армейского блокпоста. Запахи ружейного масла, пропитанных креозотом шпал, гниющей плоти, дождевой сырости, преющей одежды. Запах тревоги. Запах страха. Запах напряжения.

Как и следовало ожидать, детектор радиации показал, что котлован накрыт свежим пятном цезия. Ну, разумеется. Пятно было небольшим, около сорока метров в длину, и вытянутым к северу. Оно явно возникло после вчерашнего выброса, поскольку еще позавчера Вазелин прошел здесь беспрепятственно. И это было весьма паршиво. В принципе, кратковременное воздействие повышенной радиации особой трагедией для меня не являлось, – практически вся Свалка представляла собой радиационно загрязненную территорию с умеренным гамма-фоном, а свою годовичную норму я еще не выбрал, – однако в этом пятне могли обитать какие угодно твари. Каждый выброс до неузнаваемости преображал Зону, превращая знакомые маршруты в полосы препятствий со смертельно опасными ловушками.

Но другого пути не было – уходить по голым холмам и просматриваемой со всех сторон долине невозможно. Отмычки только и ждут, когда я выберусь на открытое место. Поганые твари. Шакалы. Если даже они не прикончат меня сами, то загонят на колючую проволоку армейского блокпоста возле полуразрушенного железнодорожного моста. А армейская пуля со смещенным центром тяжести мало чем отличается от контрабандой ввезенных в Зону боеприпасов сталкеров.

Однако время поджимало, следовало двигаться. Движение – это жизнь, как метко подметил видный физиолог Павлов. Впрочем, если и не Павлов, то все равно сказано архиверно.

Я быстро перекатился через рельс, и тут же перед моим лицом вжикнула пуля, а затем в районе соседнего холма словно бы нехотя раскатился звук короткой автоматной очереди.

Оп-паньки! Я вжался в прогнившие шпалы.

Утверждают, что пуля из «калашникова» легко пробивает металлический рельс. Эта не пробила: звонко срикошетировав, она скользнула в заросли кустарника на краю котлована, разорвав полотнище порыжелой листвы. Видимо, была на излете.

Наступила гнетущая тишина. Отзвуки выстрелов медленно растворялись в пространстве, расплывались огромной полусферой, расплзающейся к горизонту. Через несколько мгновений шорох дождя окончательно поглотил их.

ПДА тревожно завибрировал: слепая собака, учуяв свежее мясо, бросила свою тухлятину и рысцой приближалась ко мне. М-мать, как вовремя! Я попытался перекатиться через второй рельс, но стоило мне чуть приподняться, как очередная пуля навывлет пронзила рюкзак. Я снова распластался между рельсов, чувствуя, как острый гравий впивается в тело. В рюкзаке что-то радостно захлопало, и куртка на спине промокла насквозь: фляга с водкой приказала долго жить. Вечная память тебе, верная фляга.

Собака, сообразив, что мясо не двигается, осмелела и прибавила ходу. Выбравшись из кустарника на насыпь, она скакала по шпалам тяжелым галопом, явно собираясь сытно отобедать. Это была светло-коричневая тварь размером с ньюфаундленда, с вылезающей клоками шерстью и похожая на омерзительную помесь дворняги с обезьяной. На бегу она далеко выбрасывала задние ноги, ее раскачивало из стороны в сторону, и вообще она передвигалась так, будто в ее теле переломана добрая треть костей. Однако слепая собака не была ранена: такая походка присуща всему ее мутировавшему племени. Морда у собаки была морщинистая, среди глубоких складок кожи прятались едва заметные щелочки глаз. Глаза этим тварям без надобности – они ориентируются на запах, звук и мысли жертвы и ориентируются, к сожалению, превосходно.

Я попытался дотянуться до ножа на поясе, но короткая очередь с соседнего холма разбросала гравий у меня перед носом, заставив с проклятиями вжаться в трухлявые шпалы. Стрелял определенно один – следовательно, остальные сейчас обходят меня с двух сторон. Отмычки, среди которых как минимум двое – бывшие военные, явно имели некоторые познания в тактике ведения боевых действий на открытом пространстве.

Четырех отмычек подобрал мне Бубна, и еще одного молодого нашел в лягушатнике я сам – здоровяка Володю Шпака по кличке Резаный, бывшего десантника со шрамом во всю щеку, которого после демобилизации, наобещав золотые горы, сослуживец на один сезон притащил в Зону. Отмычки или мясо – так называли молодых, необстрелянных сталкеров, которые нанимались лазить за Периметр в команде с опытными ветеранами и, выходя на маршрут, в опасных местах обязаны были работать «мясом», «отмычками» для аномалий – идти впереди, чтобы не подвергать лишнему риску жизнь ведущего. Безымянный сослуживец Резаного сгинул еще весной, послужив отмычкой Мухе, а Резаному довелось погибнуть только вчера. На него полностью разрядилась огромная мясорубка, превратив его в дымящийся кусок дерьма, хотя за мгновение перед этим я готов был поклясться, что коридор полуразрушенной фабрики чист из конца в конец. Проклятие. Жаль Резаного, он был толковый малый, и рано или поздно я сделал бы из него человека. А потому, что не таскай мясо из котла поперед батьки! Нечего было соваться без команды, ведь он отлично знал, что в незнакомом месте расслабляться нельзя, это я им всем вдалбливал с самого начала. А еще более нельзя расслабляться в знакомом месте, потому что это опаснее всего. В Зоне все нестабильно, все меняется быстрее, чем успеваешь запомнить и привыкнуть. Именно этим обусловлено первое правило сталкера: никогда не возвращаться тем же путем, каким пришел. Благополучно преодолев ловушки аномалий и охотничьи уголья мутировавших тварей, сталкер на обратном пути невольно расслабляется, начинает ощущать себя в безопасности, однако в течение нескольких часов на чистых ранее местах возникают новые мясорубки, на металлических предметах нарастают ржавые волосы, ветер намывает жгучий пух, из подземных коллекторов выбираются кровососы и бюеры, в котло-

ванах и на кладбищах брошенной техники устраивают засады зомби, мародеры и безумные сталкеры из темных группировок.

Выброс застал нас вчера на обратном пути. Выброс, как обычно, совершенно неожиданный – прогноз Че обещал катаклизм лишь к вечеру следующего дня, когда мы давно уже должны были добраться до Чернобыля-4. Нашей команде пришлось срочно искать укрытие в полуразрушенном подвале, где мы и обосновались. Переждав выброс и устроившись на ночлег, отмычки еще долго едва слышно шушукались в своем углу, и это меня сразу насторожило. Не о чем им было шушукаться. Вымотанные сложным, почти суточным переходом по Милитари, они должны были уснуть как убитые, едва опустившись на пол. Да и дисциплину я в своей команде поддерживал суровую – при помощи убедительного кулака. И тем не менее отмычки оживленно что-то обсуждали – неразборчивым шепотом, осторожно, стараясь не разбудить ведущего, то есть меня. А бунт на корабле всегда начинается с перешептываний за спиной капитана.

Старательно прикидываясь спящим, я пристально вглядывался в чернильную темноту, чтобы ненароком не уснуть на самом деле, и пытался не пропустить ни малейшего шороха с противоположной стороны подвала. Однако отмычки наконец утомонились, и я, выждав еще около часа, позволил себе расслабиться. Это была ошибка. Если бы я не заснул в ту ночь, возможно, все пошло бы по-другому. Скорее всего, я без дальнейших проблем привел бы всех троих целыми и невредимыми к торговцу, получил причитающиеся деньги и отправился отсыпаться к Динке. Нападать открыто они бы не рискнули даже вдвоем. Однако я был страшно утомлен, поскольку вылазка оказалась гораздо сложнее, чем я рассчитывал. А отмычки логически рассудили, что, убрав командира, они вполне смогут вернуться самостоятельно по уже достаточно безопасным нижним уровням и получить за артефакт меньше, конечно, чем получил бы на руки я сам, но больше, чем если бы я явился к торговцу лично и самостоятельно делил выручку на всех.

Не исключено, что главную ошибку я допустил еще раньше. Не следовало принимать их сразу так жестко в оборот. Однако Кислый откровенно борзел, и необходимо было наглядно продемонстрировать ему, кто здесь главный медведь в берлоге. Что я и сделал. А потом погиб Резаный. Погиб глупо, на ровном месте, и отмычки заметно напряглись, хотя Резаный был виноват сам. А потом навернулся Сухарь – и тоже исключительно по собственной дурости: я предупреждал, чтобы след в след. Навернуться, когда тебя ведет Хемуль, – это надо очень постараться. Однако Сухарю удалось. На мгновение он ступил в сторону – и угодил ногой в невидимую на бетонном полу гравитационную плешь. Его тут же распластало по полу, а ногу, попавшую в аномалию, просто расплющило. Мы ничем не могли помочь – костыль Сухарю можно было только отрезать, однако это пришлось бы сделать так высоко, что никак не получилось бы наложить жгут. Пару минут мы ковырялись вокруг орущего благим матом Сухаря, а потом я без разговоров пристрелил его одиночным, чтобы не мучился и не привлекал к нам внимание местных тварей, и погнал уцелевших отмычек дальше. Сухарь все равно умер бы от болевого шока или от потери крови, но морда у Обоймы вытянулась так, словно я стрелял именно в него. Наверное, следовало объяснить им, что к чему, что Сухаря уже не спасти, но я устал, как собака, психовал из-за Кислого и обжег себе шею жгучим пухом. Мне было не до того, чтобы щадить чувства щенят.

В результате первой фразой на их военном совете, после того, как мы расположились на ночлег, наверняка стало классическое:

– Он положит нас всех.

Помню, как же. Сам говорил такое своим молодым коллегам, когда потерявший от жадности последний ум Стервятник, земля ему пухом, гнал нас через горячие пятна за Золотым шаром. Умение пресекать подобные настроения в зародыше – очень ценное умение для вете-

рана-ведущего, позволяющее ему прожить дольше положенного. Стервятник вот не сумел. Мне казалось, что я внушаю отмычкам достаточный ужас, чтобы не повторить его судьбу.

Классическую первую фразу наверняка сказал Кислый. Дрянь человек. Мечет понты, что твоя мясорубка, жаждет по-любому вылезти наверх, а внутри у него – труха. Ковырнуть только, и посыплется. Нет, такое говнецо долго Зону не топчет. Подминают под себя слабых, карабкаются по трупам. Поняв, что быть вольным сталкером – целое искусство вроде самурайского и что им, соответственно, ни хрена не светит, становятся мародерами, что караулят сталкеров с добычей за Периметром, или шестерками у главарей кланов. Если повезет, сами становятся главарями каких-нибудь бродяг-отморозков. Если очень повезет – для этого кроме наглости еще и мозги нужны.

Китаец наверняка согласился из стервятниковской жадности. Идея сократить количество пайщиков не могла ему не понравиться. Я сразу, еще у торговца, обратил внимание на его мелочность и скупердяйство. А слабовольный Обойма просто не стал отрываться от коллектива. Он всегда примыкал к большинству, и Кислый ездил на нем, как хотел.

Они договорились напасть на меня глубокой ночью. Завалить ветерана-сталкера наверняка казалось им парой пустяков. Выбраться с окраины Свалки без опытного ведущего, особенно сразу после выброса, – раз плюнуть. Определенно, когда бог раздавал земным тварям ум, мои отмычки стояли в очереди за креветками. Разумеется, все у них пошло как обычно – наперекосяк.

Скорее всего, они на мгновение включили фонарик в дальнем конце комнаты, чтобы убедиться, что я никуда не делся, и в то же время ненароком меня не разбудить. Среди новичков и патрульных солдат ходят самые фантастические легенды о невероятной чувствительности опытных сталкеров, поэтому отмычки решили перестраховаться и не светить мне в лицо. По крайней мере, только этим я могу объяснить то, что произошло потом. И это уже была их ошибка. Убедившись, что под моей камуфляжной курткой смутно угадывается человеческий силуэт, они погасили фонарик и начали осторожно приближаться.

Я проснулся оттого, что мои ноги туго стянула удавка. Кто-то навалился мне всем весом на плечи, но я резким ударом сложенных в замок рук сломал придурку нос. Судя по всему, они собирались без лишнего шума задушить меня во сне, а потом, если у моего клана возникнут неудобные вопросы, списать это дело на какого-нибудь вылезшего из дыры в стене бюрера. Наверное, так бы все и произошло, если бы перед тем, как заснуть, я не перевернулся головой к двери: крысы за стеной у изголовья скреблись так яростно, что уснуть было совершенно невозможно.

Я резко подтянул стянутые шнурком колени к груди, а потом ударил обеими ногами в темноту и попал во что-то упругое и мягкое. Китаец вскрикнул, и удавка ослабла. Кто-то ослепительно засветил мне по уху каблуком – судя по всему, случайно, просто не туда ступил. Вслепую я произвел подсечку и сбил с ног еще одного нападавшего. Вообще они больше мешали друг другу, взявшись топтаться вокруг меня втроем, нежели помогали. Кто-то сунул мне ногой в бок – и снова случайно, судя по всему. Потом, не разобравшись в темноте, кто-то из них нокаутировал кого-то из своих, а я, не поднимаясь на ноги, ужом скользнул вдоль стены в направлении выхода.

А потом я ухватился за ремень автомата, который вечером поставил у изголовья, и, еще только начав делать кувырок вперед, уже понял, что лоханулся. Вместо оружия я зацепил свой тощенький рюкзак. Поскольку ночью я перевернулся ногами к изголовью, автомат теперь следовало искать в ногах.

Вспышка автоматной очереди распорол темноту. В ее мерцающем, дергающемся свете я определил черный прямоугольник двери и метнулся к нему, волоча рюкзак за собой. Без оружия шансов против трех вооруженных противников у меня было не больше, чем у быка на бойне.

– Не стрелять! – крикнул с пола Кислый, в то время как кто-то – судя по всему, единственный оставшийся на ногах Обойма – яростно дергал заклинивший затвор автомата. – Перебьешь нас всех к черту!..

Я выкатился из подвала и кинулся в густые утренние сумерки. Автоматные пули яростно рубили сучья и листья справа и слева от меня.

Немного оторваться от преследователей я сумел только возле шоссе. Выбираться на дорогу не стал: слишком очевидно, да и окажусь я на шоссе как на ладони. От шоссе вообще лучше держаться подальше, особенно в тех местах, где оно ныряет в тоннель или под мост – там прячется много аномалий, которые трудно заметить в полумраке. Слишком много идиотов оставили там свои кости, послужив отличными маяками для умных людей.

Что касается аномалий, образовавшихся на пересеченной местности, то я сейчас без особого труда определял их на расстоянии и огибал по широкой дуге. Мясорубки слегка искрились от утренней сырости, крошечными сиреневыми молниями очерчивая возле земли призрачные полусферы. Гравиконцентратные плеши выделялись внушительными кругами вмятых в сырую глину растений, стволы деревьев, оказавшихся рядом, были заметно выгнуты в сторону центра аномалии. Жарки можно было засечь по длинным полосам пожелтевших травы и кустов. Ржавые волосы свисали с нижних ветвей деревьев, лениво покачиваясь на ветру, словно подстерегающие добычу актинии. Мне оставалось только молиться Черному Сталкеру, чтобы я не влетел в какую-нибудь невидимую дрянь. Ну и, разумеется, не соваться туда, куда слепая собака хрен не сунет – между близко расположенными контактными кочками, где запросто может долбануть разрядом, или в лужи, на дне которых может быть полно студня, или в заросли гигантской крапивы...

Я с опаской пересек длинную, убегающую в холмы асфальтированную дорогу и под прикрытием лесополосы устремился к железнодорожной насыпи, где и залег. Полотно железной дороги на Свалке проходит перпендикулярно шоссе, и как раз в этом месте они пересекаются. Оставалось только миновать пути, а за ними уже виднелся густой лес, в котором я мог довольно быстро стряхнуть погоню с хвоста – вот только между путями и лесом у нас имелась полоса отчуждения шириной в триста метров, голое пространство в обе стороны вплоть до соседних холмов, с проржавевшей опорой ЛЭП посередине и огромным извилистым котлованом в низине к западу.

Уходить по открытому пространству было самоубийством. Особенно теперь, когда отмычки обнаружили мое местоположение, а небо стремительно светлело.

Уходить по котловану, скорее всего, также было самоубийством. Особенно после того, как я обнаружил в нем свежее пятно радиоактивного осадка.

Оставаться на месте было самым верным способом самоубийства. Особенно сейчас, когда прямо на меня, истекая ядовитой слюной, летела по шпалам отвратительная гиена Зоны, а стрелок на холме не давал мне поднять головы.

Для того чтобы отпугнуть одинокую слепую собаку, достаточно пистолета. Но у меня не имелось даже пистолета. У меня имелись старый штык-нож в насаженных на ремень ножнах, несколько фальшфейеров, осколочная граната и серебряный портсигар за пазухой. Полчаса назад у меня еще был «калашников». М-да. Полчаса назад у меня было много всяких полезных вещей.

Невидимый стрелок выпустил по мне еще одну короткую очередь. Вроде как предупредил: я тебя вижу, браток. Только рывнись. Он явно видел также скачущую по железнодорожной насыпи собаку и был уверен, что теперь-то мне окончательная и бесповоротная хана. Одна пуля ударила в рельс с таким оглушительным звоном, что я временно оглох на одно ухо.

Коричневое чудовище размером с хорошую овчарку, распространяя вокруг себя нестерпимое зловоние гниющей плоти, бросилось на лежащего между рельсов меня – и с размаху напоролось пастью на широкое зазубренное лезвие штык-ножа.

До самого последнего мгновения я тупо и настойчиво думал о том, как сейчас рывком откачусь в сторону и попытаюсь пропустить разогнавшуюся собаку мимо себя, поскольку у меня нет оружия и я совершенно беззащитен. Со слепыми псами этот трюк обычно срабатывал – по сравнению с телепатами-бюрерами, обладающими сравнительно развитым мозгом, примитивной речью и даже зачатками религии, они просто безмозглые твари. Когда собака попала на уловку и, приблизившись ко мне, быстро присела на задние лапы, чтобы прыгнуть вслед за откатившейся в сторону жертвой и впиться ей зубами в глотку, я внезапно отпустил на волю рефлекс, резко перевернулся на спину, молниеносно выхватил из ножен штык-нож и плашмя выставил его перед собой. Это стало для зверя неприятным сюрпризом. Отмычка на соседнем холме, видимо, уже предвкушавший славное зрелище, на мгновение запоздал с выстрелом, и я успел ножом отклонить лобастую голову собаки вниз, к рельсам, чтобы стрелок не прострелил мне руку.

Отвратительный мутант, утробно рыча и упираясь в грунт мускулистыми лапами, напирал на меня, яростно пытаясь перекусить острую полосу стали, перекрывшую ему пасть, но зазубренное лезвие лишь глубже вонзалось между обоюдоострыми зубами хищника, не собираясь ломаться. Челюсти слепой собаки смыкались все туже и туже, из углов ее пасти побежали ручейки мутно-бурой крови с прозеленью: тварь отличалась не только тупостью, но еще и редкостным упорством. Случайно зацепив мне плечо уродливой лапой с кривыми, торчащими в разные стороны когтями, собака оцарапала его до крови, и я тоже зарычал от бешенства.

Рука уже начала затекать от напряжения, однако я медленно и неумолимо выворачивал животному шею, орудуя штык-ножом словно рычагом и с удовлетворением ощущая, как у собаки крошатся зубы. Почувствовав нарастающую боль, пес попытался высвободиться, но зазубрины на обратной стороне ножа уже глубоко вошли в его черные десны и застряли там. Собака заплескала возле меня; ее больше не интересовала добыча, она поняла, что раскрыла пасть на слишком большой кусок, и теперь ей хотелось только одного – вырваться невредимой и сбежать в холмы. Однако я не собирался отпускать ее бесплатно, понимая, что это мой единственный шанс.

Выбрав момент, когда подвывающий, обезумевший от боли и страха зверь в очередной раз переступил через меня и оказался слева, я отпустил рукоять штык-ножа, обеими руками обхватил слепого пса за шею и вместе с ним кувыркнулся через второй рельс. Страшные челюсти лязгнули у самого уха, кожу на виске разодрала жесткая, словно проволока, шерсть мутанта. На сей раз стрелок на холме не зевал, и две пули, предназначенные мне, с влажными шлепками вошли в прикрывший меня бок собаки. Раненая тварь истошно заголосила и задержалась в моих объятиях: она окончательно уяснила, что неизвестное чудовище просто подманило ее вкусным запахом и теперь схватило и пожирает ее, причиняя нестерпимую боль. В панике слепой пес попытался схватить меня зубами, но сумел только распороть лямку рюкзака.

Мертвой хваткой вцепившись друг в друга, мы скатились с насыпи в высокие заросли мокрого от дождя топиамбура. Автоматные пули свистели над нами, вдребезги разнося верхушки стеблей. Только здесь я наконец отпустил потерявшего голову пса и двинул его коленом в здоровый бок, чтобы не вздумал кусаться. Тот и не собирался: почувствовав свободу, он тут же вскочил на ноги и, тяжело проломившись через заросли, метнулся в котлован. Низко пригибаясь, пачкаясь в нечистой собачьей крови, которая хлестала из развороченного автоматными пулями бока животного, я бросился за ним.

По глиняному откосу я съехал на заднице в искусственный овраг. Котлован был глубоким, и в нем находилось множество всякой брошенной техники: ржавые остовы микроавтобусов, несколько «ЗИЛов», изъеденный коррозией и разрушившийся под собственным весом автокран, покрытые ободранной желтой краской решетчатые фермы, оставшиеся, видимо, от разобранного башенного крана. Пространство между ними было щедро усыпано всяким мусором. Наверное, когда-то здесь пытались вырыть могильник для грязной техники. Некоторые

машины, находившиеся тут, действительно здорово фонили, радиационное же загрязнение других было даже ниже общего фона Свалки. Однако теперь котлован оказался накрыт «горячим пятном», и задерживаться в нем не стоило в любом случае.

Котлован имел сложный профиль. Нет, вряд ли в нем хотели устроить могильник: для этого не нужна такая разветвленная структура. Через несколько десятков метров он изгибался под прямым углом, потом, насколько я помнил, еще трижды вилял в разные стороны и раздваивался. В центре котлован расширялся в глубокую яму примерно тридцать на двадцать пять, посреди которой располагались какие-то полуразрушенные металлические конструкции, давно потерявшие форму и заросшие рыжей мочалкой ржавых волос до такой степени, что теперь совершенно невозможно было сказать, чем они были раньше. Какие-то решетчатые пустотелые столбы из массивных стальных уголков, крест-накрест приклепанных друг к другу.

На краю этой ямы располагался один из феноменов Зоны – тяжелый гусеничный экскаватор, который с годами, видимо, понемногу сползал по оплывающему от дождей глинистому склону и теперь опасно навис над котлованом. По всем законам физики, он вообще не должен был держаться на склоне – ему давно полагалось соскользнуть и присоединиться к груде металлического лома, разбросанного среди мутных луж на дне котлована. Огромный тяжелый ковш экскаватора уже давно отржавел от стрелы, отвалился и лежал днищем вверх прямо под ним. Однако что-то невидимое удерживало экскаватор на краю ямы под углом почти в шестьдесят градусов, не давая силам притяжения одержать верх. Я уже давно научился не удивляться абсолютно невозможным вещам, встречавшимся в Зоне на каждом шагу.

И вот там, в этой центральной яме котлована, неподалеку от экскаватора, было плохо. Там было так плохо, что у меня от напряжения даже заломило зубы.

Имею ярко выраженное дурное предчувствие, как говорит в подобных случаях один мультяшный страус.

Всадив себе в оцарапанное плечо одноразовый иньектор с противостолбнячной сывороткой, я поднял с земли штык-нож, который вывалился из пасти у слепой собаки, промчавшейся здесь несколько мгновений назад, вытер его о куртку и сунул в ножны. Затем активизировал ПДА. В котловане не было никакого движения. А вот со стороны железнодорожного полотна в мою сторону быстро перемещалась светящаяся точка. Пока я смотрел на нее, она заметно сбросила скорость – видимо, преследователь тоже контролировал мои перемещения и, заметив, что я остановился, пошел осторожнее, закономерно ожидая подвоха.

Я двинулся по котловану, старательно огибая заросшие рыжим мочалом завалы металлического лома и внимательно глядя по сторонам. Я так и не смог установить, что взблескивало в котловане, и это меня нервировало. Скорее всего, это был какой-то безобидный феномен, появившийся после выброса, однако всякое новое явление необходимо считать потенциально опасным – по крайней мере, до тех пор, пока ученые его не изучат как следует. Ученые или неосторожные идиоты, которые проверят воздействие феномена на собственной шкуре.

У поворота, который выводил в центральную яму, я замешкался. Мне пришлось собрать всю волю в кулак, чтобы заставить себя осторожно выглянуть из-за поворота. Мой организм отчаянно вопил: туда – не надо! Лучше назад, в объятия преследователей!..

Организму я привык доверять.

Впрочем, рассудку я привык доверять тоже. А рассудок флегматично сообщал, что у меня только одна дорога – вперед, потому что сзади – верная смерть, а впереди – черт его знает.

В центральной яме, равномерно устланной слоем бытового мусора, брошенной техники почти не было. Высились ржавые решетчатые конструкции, валялись какой-то металлический лом, со временем совершенно утративший какую-либо форму, ковш от экскаватора и два насквозь прогоревших автомобильных остова. На осыпавшихся склонах росли уродливые кусты, похожие на растопыренные пальцы. Никаких признаков аномалий я здесь не обнару-

жил. Мне оставалось только пересечь яму по диагонали, сделать еще два поворота и выбраться из котлована прямо на опушке леса.

Все было бы совсем просто, если бы аккуратно на намеченной диагонали не сидел на коротках здоровенный кровосос и не пожирал слепую собаку, с которой я только что сражался на рельсах.

А вот теперь, похоже, полная хана.

Кровососы – одни из самых смертоносных тварей Зоны, по силе уступающие только псевдогигантам, а по степени опасности – только контролерам и химерам. Кровосос всегда убивает больше, чем может сожрать. Когда он не спит и не ест, он рыщет по своим охотничьим угодьям и убивает все живое, что имеет неосторожность вторгнуться на его территорию. Подступы к логовам кровососов обычно усеяны изувеченными телами людей и мутантов, и это всегда один из признаков того, что чудовище рядом. На запах тухлого мяса понемногу подтягиваются падальщики Зоны и, в свою очередь, попадают монстру на обед. Однако этот кровосос появился тут совсем недавно, скорее всего, после вчерашнего выброса, так что окружить свое логово трупами он еще не успел. И пришел он почти наверняка из-за свежего радиоактивного пятна. Мутанты получают дополнительную энергию от распада активных веществ. Утверждают, что в окрестностях Саркофага, фонящего, словно эпицентр ядерного взрыва, твари кишмя кишат.

И раз вокруг нет трупов, этот кровосос наверняка страшно голоден.

Несмотря на устрашающую внешность типичного инопланетного хищника, какими их изображают в голливудских фантастических боевиках, кровосос не пожирает плоти. Это не делает его менее опасным – он высасывает из тела схваченной жертвы все питательные жидкости. Начинает он обычно со спинного мозга (чаще всего в это время жертва с переломанным хребтом еще дышит), затем при помощи мощного ротового аппарата, создающего настоящий технический вакуум, отжимает из тела всю кровь, затем полупереваренное содержимое желудка; если голоден, не брезгует содержимым мочевого пузыря, хотя последнее, скорее всего, одна из дурацких сталкерских легенд. После основательной трапезы кровососа трупы его жертв становятся похожими на египетские мумии, туши негуманоидных же мутантов зачастую превращаются в бесформенные груды вяленой плоти.

Попавшийся мне кровосос был не слишком активен: сразу после выброса твари Зоны ведут себя спокойнее обычного, словно некоторое время приходят в себя. Казалось, он целиком поглощен своей жертвой и не обращает на меня никакого внимания, однако это, разумеется, было не так.

Я замер. Меня словно оплеснули на морозе ледяной водой из ведра. Однако выбора не оставалось. Судя по показаниям датчика движения, преследователь с автоматом был уже совсем близко. Я медленно двинулся вперед. Нож против двух центнеров переплетенных жил, мышц, крепких костей и сухожилий – все равно что зубочистка. В лучшем случае им можно поцарапать кровососу шкуру. Поэтому о ноже можно сразу забыть. Главное – не выказывать страха или агрессии. Возможно, тогда мне удастся обойти занятого трапезой монстра стороной...

Кровосос поднял голову и посмотрел прямо на меня.

Я не ощущал ни ужаса, ни паники, ни отчаяния – только холодную сосредоточенность: необходимо во что бы то ни стало миновать опасное место. Пока эта тварь ест, она не агрессивна. Мне казалось крайне важным не отрывать взгляда от внимательных глаз чудовища. Внимательных и – печальных? Да, у кровососа был печальный взгляд. Точно такой же, какой бывает у орангутанга, когда тот поднимает брови домиком. Почему-то казалось, что если я отведу взгляд, кровосос расценит это как признак слабости и немедленно атакует.

Я осторожно шагнул в сторону – медленно, размеренно, аккуратно. Тираннозавр внешним видом и повадками тоже напоминал цыпленка. Смотрел я как-то по телевизору одно кино. Однако такой цыпленок вполне способен был откусить от меня половину.

Кровосос опустил брови, и наваждение исчезло. Не было в его взгляде ничего печального, ничего осмысленного. Тупая, агрессивная, кровожадная тварь. Я крепче сжал влажную от пота рукоять штык-ножа. Если он бросится, можно попробовать попасть ему острием в глаз. Хотя баловство, конечно: скорее всего нож сломается о крепкий лоб или надбровные дуги, которые тверже черепашьего панциря.

Внезапно чудовище опустило голову и вновь занялось подергивающейся в его лапах собакой. Я увидел фиолетово-розовую пульсирующую кору головного мозга, выглядывавшую через большое височное отверстие, которое заменяло монстру ухо. Вот куда бы ткнуть ножом!.. Однако я осознавал, что такой возможности у меня не будет: кровосос всегда атакует в лоб. Определенный инстинкт самосохранения у этих тварей имеется, хотя они обычно и прут напролом, прямо на расстреливающего их в упор автоматчика.

Не спуская глаз с завтракающего монстра, я сделал еще один незаметный приставной шаг. Спасибо тебе сердечное, слепая собака, похоже, ты спасла меня во второй раз. Когда кровосос ест, все его внимание сосредоточивается на пище. Во время трапезы к кровососу можно подобраться совсем близко – и тогда уже следует бить наверняка, желательно из ствола покрупнее, еще лучше – из двух...

А бить-то мне и нечем.

Я сделал еще шаг – и в зыбкой тишине раздался пистолетный хлопок пустой консервной банки, которую я раздавил каблуком.

Мать твою двадцать.

Кровосос взвился, словно подброшенный пружиной. Выпрямившись во весь свой двухметровый рост, чудовище, напоминавшее голого жилистого старика с непомерно широкими кистями рук и уродливо бугрящимися по телу коричневыми жгутами мышц, развернулось всем корпусом ко мне. Под морщинистым лбом и массивными надбровными дугами в глубоких провалах глазниц блестели внимательные черные глаза. Сходство со стариком усиливалось четырьмя омерзительными щупальцами, росшими вокруг его рта-присоски, которые, слабо шевелясь, свисали до середины груди, словно козлиная борода.

Я пытался до тех пор, пока не наткнулся копчиком на отвалившийся от экскаватора огромный ковш. Медленно, не спуская пристального взгляда с настороженно замершего зверя, я нащупал раскрывающееся днище ковша, с трудом приподнял его и шагнул внутрь. Кровосос с интересом наблюдал за мной.

Я опустил на колени, затем лег на землю. Свернувшись в три погибели, подтянув колени к подбородку, я опустил над собой тяжелое днище ковша, воткнул штык-нож в щель шарнирного механизма, позволявшего днищу откидываться по команде из кабины экскаватора, и несколько раз ударил ладонью по рукояти, вбивая лезвие штыка глубже в шарнир.

И замер, ожидая, что предпримет кровосос.

Мне не было видно, что происходит снаружи, но по звукам, доносившимся оттуда, можно было восстановить полную картину происходящего. Кровосос неторопливо, с сосредоточенным сопением приблизился к моему укрытию. Он не спешил, осознавая, что я уже никуда от него не денусь. Я остро ощутил его присутствие за стенкой ковша – сгусток *нечеловеческого* в полуметре от меня. Я отчетливо слышал его дыхание – неправильное, нечеловеческое дыхание, напоминавшее звук, доносящийся из кухонного крана, если открыть его до упора, когда в доме отключили воду. Я слышал биение его сердца – гулкое, торопливое, чересчур громкое, болезненное биение о грудную клетку нечеловеческого сердца, бесформенного куска жилистого мяса, изуродованного направленными и спонтанными мутациями. Я слышал нечеловеческий звук, с которым его ротовые щупальца скребли по металлической поверхности ковша.

Кровосос попытался поднять крышку, но штык-нож надежно заклинил шарнирный механизм. Тогда монстр рванул днище ковша с такой силой, что мне показалось, будто лезвие вот-вот переломится. Откровенно говоря, я запаниковал, когда ощутил, что могу навсегда остаться запертым в тесном железном гробу. Тем не менее крепкое стальное лезвие выдержало. Кровосос дернул еще пару раз, испытывая на прочность мое убежище и мои нервы. Он никак не мог поверить, что добыча, к которой оставалось только протянуть лапу, внезапно стала недоступной. Осознав, наконец, что его крупно надули, чудовище пришло в бешенство и начало с остервенением трясти мой вросший в землю металлический сейф. В полутьме прямо перед моим лицом раскачивалась запечатленная анфас голова косматого быка – выбитая на внутренней стороне крышки экскаваторного ковша фирменная марка производителя.

Скорчившись под массивным ковшом, стискивая в руке гранату, я внимательно прислушивался к происходящему. С минуты на минуту на сцене должно было появиться новое действующее лицо.

Китаец вышел на сцену эффектно. Сначала я услышал его торжествующий вопль «Стоять, сука!», а потом – сдавленный, испуганный возглас. Разумеется, отмычка вылетел из-за угла, даже не позаботившись о малейших предосторожностях – зачем, если у ведущего нет огнестрельного оружия, а сам он, судя по показаниям датчика, в настоящий момент топчется у противоположной стены котлована, как зажатая в углу крыса. Дети, малые дети, честное слово. Я ни секунды не сомневался, что преследователь примет кровососа за меня – ведь мы с чудовищем были относительно сходны по размерам и ни разу не перемещались одновременно, а датчик движения фиксирует только перемещения объекта, не отображая его внешнего вида... Разумеется, теперь, красиво выпрыгнув из-за угла и обнаружив вместо меня кровососа, Китаец сразу понял, что жестоко ошибся.

Кровосос оставил мой ковш в покое и с удовольствием метнулся навстречу новой активной жертве, нарушившей границы его территории. Прогрохотала длинная очередь, показавшаяся мне бесконечной, затем автомат захлебнулся и смолк.

Вытащив штык-нож из запорного механизма и чуть приподняв тяжелую крышку, я выглянул наружу через щель. Метрах в двадцати от меня кровосос, сдавив шею Китайца могучими лапами, яростно тряс его, словно бультерьер бумажный пакет. Китаец, на посиневшем лице которого застыла искаженная гримаса глубокого изумления, болтался в воздухе, как пластовый скелетик на лобовом стекле автомобиля. Автомат валялся в мутной луже в двух шагах позади него.

Среди тихого шепота дождя вдруг раздался и заметался среди стен котлована страшный сухой треск – словно сломалась огромная куриная кость. Одной рукой продолжая удерживать Китайца на весу, другой кровосос легко перебил ему хребет.

Кстати, мой бывший ведомый вовсе не был узкоглазым. Обычный белобрысый парень из Черновцов. Китайцем его прозвали за то, что он все время напевал себе под нос: «Любимый город, синий дым Китая...»

Я сел в ковше, придерживая крышку спиной, с характерным щелчком выдернул кольцо из гранаты, и в то же мгновение монстр отбросил изувеченное тело отмычки и развернулся в мою сторону. Мне еще не приходилось слышать о кровососах-телепатах, однако я готов был поклясться, что он почуял мое намерение. Мы смотрели друг другу в глаза – у меня в руках была граната с выдернутой чекой и зажатыми пока между пальцев усиками взрывателя, по его пальцам струилась багровая человеческая кровь. Внезапно щупальца на морде кровососа встали торчком, он взревел и бросился в сторону, затем в другую, словно уходящий от пули военный сталкер, приближаясь ко мне широким зигзагом.

Он явно уже был знаком с таким оружием. Он явно пытался лишить меня возможности воспользоваться гранатой.

Разъяренный кровосос, несущийся прямо на тебя с встопорщенными щупальцами и расставленными руками – кошмарное зрелище. Периферийным зрением я зацепил нависший высоко над моей головой экскаватор «Бизон» – тяжелая штука, надо полагать. Времени размышлять уже не было, поэтому вместо меня снова сработали рефлексy. Я послал гранату в зенит, и она упала точно в раскрытую дверь кабины гусеничного экскаватора. В следующее мгновение я рухнул обратно в ковш, конкретно звезданувшись затылком, и надо мной грохнула тяжелая крышка.

Однако кровосос оказался быстрее.

Я едва успел просунуть в запорный механизм кончик штык-ножа, как чудовище с силой рвануло крышку вверх, чуть не снеся этот самый кончик к чертовой матери, и наклонилось надо мной. До свисавших с его морды шевелящихся осклизлых щупалец можно было достать рукой. В нос мне ударил отвратительный запах свернувшейся крови.

Безумная, дикая, страшная смерть оказалась со мной лицом к лицу. Однако я смотрел ей через плечо. Те несколько мгновений, пока кровосос с угрюмым любопытством рассматривал меня, я наблюдал, стиснув зубы, как брошенная мной граната неторопливо катится по наклоненной спинке сиденья нависшего над нами экскаватора. Докатившись до сиденья, граната прыгнула с него, ударилась о стекло кабины, упала вниз и, путаясь в рычагах, заскакала обратно к настежь распахнутой и раскачивающейся на ветру двери. Сейчас она перепрыгнет через невысокий порожек и кувыркнется точно в раскрытый кровососом ковш, прямо ко мне в объятия, предварительно крепко стукнув моего приятеля по лысому черепу.

Коричневый мускулистый гигант протянул огромную лапу, сгреб меня за грудки и потянул на себя, приподняв над землей. Я сжимал в ладони рукоять штык-ножа. Главное – попасть точно в глаз. Пусть за мгновение до того, как нас обоих разорвет в клочья, но следует ошеломить эту образину. Так будет правильно, сталкер.

Граната между тем свалилась на наклонный пол кабины и, весело подпрыгивая, покати-лась к выходу.

И внезапно разорвалась.

Ковш, под которым я лежал, отозвался гулким колокольным звоном – мне показалось, что моя голова сейчас лопнет от вибрации. Кровосос рывком поднял голову, выпустив днище ковша из лап, и оно с грохотом захлопнулось у меня над головой. Раздалось несколько звонких визгливых ударов – от стали рикошетили мелкие осколки. Одновременно в вышине что-то протяжно затрещало, словно падало, выворачивая собственным весом корни, опрокинутое ураганом дерево – процесс пошел.

А потом мне показалось, что кто-то с размаху саданул меня кувалдой по черепу, и череп зазвенел, будто колокол, будто экскаваторный ковш, до которого докатилась взрывная волна. Потеряв из-за гранатного разрыва точку опоры, огромный «Бизон» обрушился с глинистого склона и, перевернувшись в воздухе, с высоты трехэтажного дома рухнул на землю, погребая под собой и мой ковш, и не успевшего отпрыгнуть кровососа.

Удар был такой силы, что земля подо мной подпрыгнула. Одновременно с этим косматый бык на внутренней стороне ковша стремительно бросился мне в лицо – многотонная груда железа, обрушившаяся на ковш, глубоко вбила его в мягкую глину. Я с изумлением уставился на днище ковша, замершее в паре сантиметров от моего носа. Будь экскаватор чуть тяжелее, меня просто размазало бы по земле.

Выходит, сегодня Черный Сталкер за меня. Как и последние шесть лет, впрочем.

Я толкнул днище ковша и понял, что на этом мое везение иссякло.

Крышка стального гроба была заблокирована намертво. Она даже не шелохнулась. Вообще-то, ковш должен был попасть аккуратно в мертвую зону между торчащей стрелой, которая когда-то оканчивалась ковшом, и кабиной экскаватора, но поди докажи Хозяевам Зоны,

что все должно происходить совсем по-другому и тяжелая гусеница, вбившая меня вместе с ковшом в землю, обязана была пройти тремя метрами правее!..

Пока из ковша можно было выбраться, я ощущал только промозглый холод влажной земли, неудобство своей позы и напряжение от близости мутанта. Теперь же все чувства поглотил внезапный острейший приступ клаустрофобии. Я почувствовал, как стальной ковш стремительно сжимается вокруг меня, как его стенки неумолимо сдвигаются внутрь, словно рабочие поверхности гидравлического пресса, выдавливая из меня жизнь. Я судорожно пытался вдохнуть, но сведенное спазмом дыхательное горло только напрасно сокращалось, не в силах пропустить в легкие ни глотка воздуха. Я попытался перевернуться в своей металлической гробнице, но не сумел этого сделать, надежно заклинившись локтями и коленями. Я силился крикнуть, но из горла вырвалось лишь слабое сипенье, похожее на дыхание кровососа.

Когда я был мальчишкой, мы с приятелями как-то играли на стройплощадке. Строители подвели к новостройке теплоцентраль и вырыли посреди двора целые катакомбы. В них-то мы вечером и забрались, довольные по уши. Лазить между накрытых бетонными профилями труб, ощущая над собой полтора метра грунта, – это был экстрим и адреналин. Все было замечательно до тех пор, пока я не сунулся под наполовину вытасканный строителями из земли пустотелый бетонный блок, на котором в тот момент как раз прыгали и топтались три кривляющиеся мартышки – мои приятели. Профиль внезапно потерял точку опоры и осел, нежно прижав меня к земле. А сверху осыпалось несколько кубометров грунта.

Меня не искалечило, но очень надежно заклинило под бетонным блоком, так что я не мог выбраться без посторонней помощи. При помощи приятелей я, впрочем, выбраться тоже не смог. Был вечер субботы, поэтому пока нашли строителей и сумели меня откопать, я провел заживо погребенным несколько часов, не в силах шевельнуться и вдохнуть полной грудью.

Следующий месяц меня лечили от тяжелого нервного истощения. Психологам вроде бы удалось привести меня в относительную норму.

А еще через год мне в руки попал сборник рассказов Эдгара По.

Когда я прочитал рассказ «Заживо погребенные», мне показалось, что я вновь оказался в бетонном склепе на стройплощадке. Вместе с героями рассказа я пережил весь ужас погребения заживо, поскольку год назад уже прошел через подобное на самом деле. Я не мог спать – в темноте мне казалось, что потолок медленно и неумолимо опускается, чтобы придавить меня к кровати. Я начинал задыхаться – мне казалось, что моя грудь снова плотно прижата бетонным блоком. Я панически боялся, что завтра не сумею проснуться, меня похоронят и я очнусь уже в гробу – узком деревянном ящике, в котором почти невозможно повернуться и можно только колотиться всем телом о крепкие стенки, стремительно теряя последние крупинки рассудка и с ужасом ожидая приближение неминуемой кошмарной смерти.

С тех пор я беспощадно уничтожил в себе множество подсознательных фобий и комплексов. Из вежливого книжного мальчика, которого обижала на улице любая собака, я сумел стать матерым хищником-спецназовцем, а потом – ветераном-сталкером. Я переломил собственную натуру через колено и жуткими, мучительными, бесчеловечными тренировками превратил свое тело в неплохую боевую машину. В погоне за адреналином я побывал во многих горячих точках бывшего СССР. Меня расстреливали в упор исламистские моджахеды, я горел в десантном вертолете, с одним рожком патронов я сумел завалить матерого контролера, окружившего себя двумя десятками вооруженных зомби и стадом псевдоплоти. Однако никогда я не испытывал такой паники и такого безумного страха, какие охватывали меня всякий раз, как я оказывался в закупоренном со всех сторон пространстве размерами чуть больше моего тела.

Теперь я бессильно бился в прочном стальном гробу, не в состоянии что-либо предпринять. Просунув руку с ножом между стенкой ковша и собственным боком, я попытался неуклюже ковырять землю под собой, но почти сразу убедился, что такими темпами не выкопать лаз и за месяц; кроме того, мне некуда было бы девать вынутый грунт. Попытка связаться с

кем-нибудь, пусть даже и с собственными отмычками, через ПДА тоже закончилась неудачей: толстые стальные стенки надежно экранировали сигнал. Я чувствовал, что теряю контроль над собственным рассудком, и лишь неимоверным усилием воли сумел прекратить приступ паники. Спокойно, бесконечно повторял я себе, спокойно, спокойно, спокойно. Засохни, сволочь. Лежи смирно. В ближайшие несколько часов самое страшное, что тебе грозит, – это застудить почки. Представь, что ты просто прилег отдохнуть в котловане. Или, допустим, тебе нужно переждать выброс, и для этого ты забрался под перевернутый экскаваторный ковш. Как только выброс закончится, ты спокойно выберешься отсюда, а пока расслабься. Выход наверняка есть, безвыходных положений не бывает, как говорил Дима Шухов... Фу ты, черт, к дьяволу Шухова, это я, я говорю, это мой гребаный девиз... Только для того, чтобы найти этот самый выход, необходимо успокоиться и взять себя в руки, потому что паникеры на моей памяти, бывало, тонули в ручье, а рассудительным людям удавалось без всякого специального снаряжения форсировать морской пролив.

Мне удалось немного прийти в себя, однако меня по-прежнему колотила крупная нервная дрожь. Совсем нетрудно пролежать неподвижно четверть часа, когда знаешь, что в любой момент можешь изменить позу. Когда же попадаешь на те же четверть часа в наглухо закрытый железный ящик, каждая конечность начинает судорожно сигнализировать: мне срочно нужно шевельнуться и распрямиться! Я больше так не могу!.. Хотя объективно вроде бы ничего не изменилось, ничто на тебя не давит, конечности затекают не больше, чем на открытом пространстве... Однако мозг уже яростно колотит в рельсу: опасность! опасность! немедленно покинуть потенциально опасную территорию!..

В установившейся звонкой тишине прямо за стенкой ковша отчетливо раздался металлический лязг. Что-то железное стукнуло по ковшу, потом заскребло. Покосившись влево, я увидел, как по стенке из-под днища бежит ручеек черной крови. Кровососа расплющило экскаватором о днище моего ковша, однако, судя по всему, не до смерти. Эти твари живучи до ужаса. И теперь он, похоже, пытался добраться до меня, несмотря на придавившую его многотонную кучу металлолома.

Однако. Всегда уважал целеустремленные натуры.

Затаив дыхание, я внимательно слушал, как со скрежетом ворочается за стальной перегородкой огромный мутант. Он пытался приподняться, однако вес металлической груды, придавившей нас с ним к земле, явно был неподъемным даже для него.

Дыхание с тяжелым свистом и клокотанием вырывалось из его груди. Несколько бесконечных секунд кровосос лежал неподвижно, собираясь с силами, а потом внезапно, напрягшись изо всех сил, уперся спиной в искореженные металлические конструкции экскаватора и рванулся словно бешеный – я услышал, как затрещали его связки и захрустел изувеченный металл. Рванулся раз, другой – и по изменившемуся звуку я понял, что тяжелая груда металлолома поддается его усилиям.

Упершись коленом в морду быка, я почувствовал, что днище ковша, которое только что было заклинено намертво, слегка сдвигается. Я торопливо сунул в образовавшуюся щель штык-нож. Ну, уже кое-что. По крайней мере, не задохнусь, словно трюмная крыса, а умру от голода, жажды и переохлаждения, как и подобает настоящему мужчине. Если раньше у меня не остановится сердце от острой клаустрофобии.

Кровосос продолжал ворочаться. Из его пасти вырывалось рычащее подвывание. Он старался изо всех сил, и никогда еще я мысленно так не желал успеха ни одному мутанту. Сейчас он боролся не только за свою, но и за мою свободу, хотя наверняка не осознавал этого. Упираясь ногами и руками в крышку своего гроба, я изо всех сил старался помочь кровососу, хотя толку от моей помощи наверняка было кот наплакал.

А вот у атлетически сложенного мутанта – получалось.

Он наверняка испытывал страшную боль, но инстинкт самосохранения был сильнее. Идеальная машина, приспособленная убивать и выживать в любой ситуации. Более совершенная боевая машина, нежели мое тело, однако в кабине этой машины сидел менее опытный и рассудительный пилот. Его мышцы звенели от напряжения, кости потрескивали, прерывистое подвывание превратилось в глухое и невнятное хрипение. По мере того как придавившая мой ковш железяка усилиями кровососа приподнималась сантиметр за сантиметром, я приподнимал вслед за ней днище ковша, стараясь не совать кисти рук в расширяющуюся щель, чтобы в том случае, если монстр все-таки надорвется, обрушившаяся крышка не обрубилась мне пальцы. Когда щель стала шириной с ладонь, я сумел выглянуть наружу.

И сразу натолкнулся на безумный взгляд чудовища. Мне был виден только один его глаз, но и в нем одном было столько муки и бешенства, что я почувствовал, как по коже продирает мороз. Не уверен, что кровосос жаждал расправиться со мной прежде, чем покинет эту кучу металлолома; но в том, что меня ждет, если монстр покинет ее раньше меня, я не сомневался ни секунды.

Хрипло выдохнув, кровосос приподнял экскаватор еще немного. Что-то с грохотом проскребло по ковшу, тяжело соскочило с него, и щель увеличилась почти вдвое.

Дальше выжидать было нельзя: мутант в любой момент мог отпустить неподъемный груз, который сейчас держал на своих плечах. Я поспешно сунул голову в щель, разодрав в кровь правое ухо. Выбраться из железного ящика через узкую щель в крышке, находясь в позиции эмбриона, оказалось задачей, достойной Гарри Гудини. Извернувшись всем телом, я кое-как пропихнул наружу голову, каждую секунду ожидая, что захлопнувшееся днище ковша станет для меня ножом гильотины. Потом я стал опасаться, что меня перерубит поперек груди, наконец, после целой вечности возни, на самом деле уложившейся в несколько биений сердца, — что в пояс.

Кровосос продолжал методично выжимать спиной многотонный груз, пытаясь перевернуть экскаватор. Он яростно смотрел, как я, извиваясь, словно червяк, понемногу выбираюсь из ковша. Я боялся, что он может обрушить массу металла, которую держит на плечах, только для того, чтобы немедленно меня прикончить. Однако это означало бы, что потом ему придется начинать все сначала, а на второй заход сил у него могло не остаться. По сравнению со слепой собакой кровосос был настоящим профессором и умел просчитывать свои действия как минимум на один ход вперед.

Я вывалился из ковша прямо под ноги чудовищу. Его уродливые когтистые ступни глубоко ушли в мокрую глину. Оказавшись на свободе, я торопливо пополз в просвет между искореженными металлическими фермами стрелы экскаватора, моля Черного Сталкера, чтобы мутант продержался еще несколько мгновений. Штык-нож я, впрочем, не бросил в суматохе, совершенно автоматическим движением сунув его в ножны.

Я выполз из-под перевернутого экскаватора и, не в силах подняться с четверенек, с трудом перевел дух. Вокруг меня снова было безграничное пространство, и я имел возможность идти в любую сторону. Кровосос, судя по доносившимся слабым звукам, конкретно застрял под экскаватором. Собственно, попадали мы еще и не в такие переделки...

— Не ушибся, старшой? — донесся сочувственный голос.

Я поднял голову. Передо мной стоял Кислый с автоматом в руках, дуло которого было направлено мне точно между глаз. Мой автомат он небрежно перебросил через плечо.

У наших американских «друзей» из миротворческих сил это называется решать проблемы по мере их поступления.

Однако теперь-то я уж точно отбегался. Верняк. Не бывает сталкеру столько везения за один раз.

Впрочем, если только этот сталкер — не Хемуль.

— Ничего, спасибо, — проговорил я, поднимаясь на ноги.

– Тогда руки на голову, кругом и четыре шага вперед, – прогундосил Кислый, морщась от боли.

Я с удовлетворением отметил, что нос у моего бывшего коллеги сломан и на переносице запеклась кровавая корка. Моя работа.

– А может, лучше отсосеешь? – деловито осведомился я.

Если тебя держит на мушке неопытный противник, его можно попытаться вывести из равновесия. Когда человек в ярости, он начинает допускать детские ошибки, и шансы во многом уравниваются. А стрелять в меня Кислый все равно не будет, пока не удовлетворит свою жажду мести за сломанный нос. Месть для таких человечков – это не убить противника, это все вторично. Главное – дать жертве понять, что сейчас она умрет, и как можно дольше наслаждаться ее ужасом.

А впрочем, даже если я ни черта не смыслю в психологии и Кислый сейчас без разговоров пристрелит меня на месте, как слепую собаку, все равно хрена ему лысого по всей морде, а не руки на голову и четыре шага вперед. Перетопчется.

Отмычка побагровел и раскрыл рот, но сказать ничего не успел – как раз в это мгновение со стороны экскаватора снова донеслись металлический скрежет и лязг. Затем еще раз и еще – что-то с натугой продиралось через механические потроха машины к свету. Кислый озадаченно посмотрел на разбитые останки экскаватора, – он явно не ожидал, что кровосос проявит такую волю к победе, – затем снова поспешно перевел взгляд на меня.

Когда он опять глянул на экскаватор, тот уже балансировал на ребре кабины. Еще мгновение – и тяжелая строительная машина с грохотом завалилась на бок, а на том месте, где она только что лежала, медленно выпрямлялся во весь свой устрашающий рост раненый кровосос.

Выглядел монстр паршиво. Рухнувшим экскаватором ему раздробило череп, и теперь вместо верхней половины головы у него было кроваво-черное месиво. Левая рука возле плеча у него оказалась разорвана изнутри сломанной коричневой костью. Левый бок был разодран в клочья, и наружу торчали расколотые ребра.

Уцелевший глаз кровососа повернулся в глубокой глазнице и остановился на нас. Бесвольно повисшие щупальца вокруг ротовой присоски, по которым сползали сгустки черной крови, угрожающе вздернулись.

– Автомат! – рявкнул я. – Быстрее, ну!

Перед Кислым стояли два смертельно опасных врага. Однако валить кровососа, даже раненого, в одиночку – всегда лотерея, а пуля в голову однозначно предпочтительнее, чем медленная и мучительная агония со сломанным хребтом в лапах мутанта. Поэтому отмычка размышлял только долю секунды. Не спуская напряженного взгляда с чудовища, он сорвал с плеча мой «калаш» и бросил оружие мне. Я ловко перехватил автомат в воздухе и резво передернул затвор, досылая патрон в патронник.

В то же мгновение взбудораженный резкими движениями и громкими звуками кровосос атаковал. Я думаю, отмычка мысленно возблагодарил небеса, что сделал правильный выбор, потому что чудовище бросилось именно на него, и в один ствол Кислый его ни за что бы не остановил.

Мы разом ударили по мутанту из автоматов. Пули попадали в его покрытую коростой грудь и со страшной силой отбрасывали монстра назад. Кровосос пронзительно взвыл, его вопль перешел в визг, затем в ультразвук. Я подобрался – это был признак того, что сейчас монстр попытается перейти в режим «стелс». Кровосос действительно замерцал, словно изображение на экране неисправного телевизора, однако для того, чтобы достичь полноценной невидимости, ему не хватило энергии – чудовище было слишком истерзано автоматными попаданиями и изувечено экскаватором. Куски его зараженной плоти летели во все стороны, с каждой вонзившейся в тело пулей его отбрасывало все дальше и дальше, пока он наконец не уперся спиной в глинистую стену котлована. Ноги кровососа подогнулись, и он тяжело рухнул

мордой вперед, неловко подогнув под себя переломленную руку. Единственный его глаз закатился, пальцы уцелевшей руки в агонии стиснули жидкую грязь, брызнувшую между пальцев, из-под распластанных по земле щупалец начала растекаться мутная зловонная лужа какой-то дряни, не похожей на кровь. Испустив протяжный полустон-полувздых, мутировавшая тварь, трижды спасшая мне жизнь, замерла, распростершись в полутора десятках шагов от нас.

Мы с Кислым одновременным рывком перевели стволы автоматов друг на друга, однако оба автомата издали только сухой щелчок – все патроны мы выпустили по общему врагу. С досадой отбросив бесполезное оружие в сторону, мы выхватили ножи и начали сближаться.

Кислый был вполне сносным рукопашным бойцом. Мне уже довелось однажды увидеть его в деле и приходилось признать, что в искусстве махать ножом он немногим уступает мне. И у него был боевой кинжалообразный нож «Шайтан». Так что пока ничего еще не кончилось, и меньше всего следовало недооценивать этого загнанного в угол, перепуганного произошедшим, но все еще опасного головастика.

Внезапно я обратил внимание, что лезвие его ножа выглядит странно тусклым, заржавевшим. Когда режущая кромка заискрилась на мгновение странным сиреневым светом, словно электрическая сварка, и снова погасла, я окончательно убедился в том, что этот кретин успел где-то сунуть свой нож в ржавые волосы. Рискованный трюк, потому что разесть может не только само лезвие, но и ножны, а потом и кожу на бедре. В любом случае ножу хана, в следующий раз его уже в Зону не возьмешь, за пару дней останется от него обглоданный селедочный скелет, прозрачный от ветхости. Но пока аномалия еще не сожрала лезвие, оно превращается в серьезное оружие. Достаточно нанести противнику малейшую царапину, чтобы ржавые волосы попали в кровь. Ну и всё, на этом поединок можно считать законченным.

Моя задача резко усложнилась. Черт! Выходит, идти на сближение нельзя вообще. Кислого я скорее всего завалю, поскольку в поножовщине важно не только умение, но еще выдержка, точный расчет и холодная голова. Но вот поцарапать меня пару раз эта скотина успеет, факт. Я прикинул свои действия так и этак. Нет, не получается.

В сплошном массиве бурлящих туч над головой возник небольшой разрыв, сквозь который в котлован скользнуло утреннее солнце. Окружающее пространство сразу же наполнилось горячим ослепительным светом, словно в разгар июля. Заблестела на солнце вода на мокрых от дождя проржавевших корпусах сгоревших автомобилей, покрытых рыжим мочалом жгучих волос. Подступающие к котловану деревья зашелестели под внезапным порывом ветра и стряхнули нам на головы дождевую влагу.

И совсем рядом с собой я увидел одну крайне любопытную штуку.

Похоже, Кислому, который не отрывал взгляда от моего штык-ножа, не было видно того, что видел я; впрочем, не факт, что он что-нибудь понял бы, даже если бы обратил внимание на расположение теней слева от нас. Кислый, судя по всему, конкретно наложил в штаны, но твердо решил продать свою жизнь подороже. Хорошо иметь репутацию маньяка-людоеда: сначала ты какое-то время усиленно работаешь на нее, а потом уже она помогает тебе в сложных ситуациях.

Кислый начал осторожно смещаться влево, пытаясь занять такую позицию, чтобы солнце светило ему в спину. Я охотно сдвинулся в противоположную сторону, принимая навязываемые им правила игры. Он снова шагнул влево и чуть назад – я тут же последовал за ним, смещаясь в невыгодную для себя позицию.

Кислый ощутил, что происходит что-то неправильное. Он готов был хитрить и изворачиваться, чтобы развернуть меня лицом к солнцу, однако я послушно, как баран, поддавался на его провокации. Так быть не могло, и отмычка приостановился в нерешительности. Мое поведение было для него непонятно, а когда в Зоне что-то непонятно, жди конкретных неприятностей.

– Бабах! – рывкнул я, внезапно подавшись вперед и выбросив в его сторону указательный палец.

Он инстинктивно шагнул назад, и я неторопливо опустил нож. Кислый обалдело посмотрел на меня, но в следующую секунду причина моего странного поведения стала ему ясна. Однако сделать он, разумеется, ничего уже не успел, потому что еще через секунду его буквально вывернуло наизнанку.

Там, куда он ступил, притаилась изнанка – редчайшая и чрезвычайно коварная аномалия, которая попадалась мне за все время только раз или два. Она абсолютно невидима, не издает никаких характерных звуков или запахов, ее невозможно определить по магнитным возмущениям, повышенной ионизации воздуха, измененной плотности вещества или какому-либо влиянию на окружающие предметы. Возможно, именно поэтому она и считается редкой – потому что ее крайне трудно обнаружить, пока не попадешь прямо в нее. Заметить ее можно только по расположению теней. Тень, которая падает навстречу источнику света, и есть изнанка. Если нет источника света и не видно отбрасываемых им теней, изнанка совершенно неуловима.

Прежде чем снова скрыться в сплошной пелене туч, солнце хорошо очертило границы аномалии, так что я без особого риска проскользнул мимо вывернутого трупа Кислого. Теперь он напоминал распотрошенную и освежеванную свиную тушу, из которой во все стороны торчали обломки костей.

Неплохое завершение карьеры, приятель.

Пригибаясь, я выбрался из котлована, весь перемазанный грязью, и залег в неглубокой траншее у самого леса. Оставался еще Обойма, и если это он палил в меня со склона холма, то ему самое время эффектно появиться на сцене.

Я активизировал ПДА. Датчик движения молчал, как партизан. Я быстренько просмотрел почту. Однако оперативно работает Че! Два последних сообщения в моей почте были некрологами. «07.32, Павел „Кислый“ Бойченко, Свалка, изнанка, DS 018/x». «07.26, Михаил „Китаец“ Загребельный, Свалка, кровосос, DS 019/x». Едва получив сообщение от ПДА погибших сталкеров, Че сразу включил информацию об их гибели в общую рассылку. Оперативная информация с координатами произошедшего помогала коллегам погибших избежать смертельно опасных маршрутов либо, наоборот, обнаружить тела членов своего клана.

Пока я любовался почтой, пришло еще одно сообщение. «07.27, Петр „Обойма“ Шорник, Свалка, резаная рана шеи, DS 018/z».

Опа.

В принципе, информация о смерти Обоймы вполне могла слегка задержаться, если в момент гибели хозяина его ПДА оказался поврежден. Однако все это больше смахивало на развесистую липу. Кто мог зарезать Обойму практически в то же время, когда кровосос схватил Китайца, и практически на том же самом месте, судя по координатам? У меня появились невидимые анонимные защитники?

На всякий случай я снова перевел ПДА в режим датчика движения. Мертво было в котловане и его окрестностях. И это тоже могло значить что угодно: либо Обойма с перерезанным горлом валяется где-то неподалеку, либо он сидит в кустах и терпеливо выжидает, когда я клюну на его приманку.

Мог ли он, напуганный гибелью напарников, быстро договориться с Че и попросить его передать по сталкерской сети фальшивое сообщение о собственной смерти, чтобы выманить меня на открытое пространство?.. Чушь. Че не станет рисковать своей безупречной репутацией. Его репутация стоит очень дорого, ему доверяют практически все кланы, так что достаточно одного такого прокола, чтобы информация сталкерской компьютерной сети Че упала до цены пустой гильзы от «макарова». Тем более с кем бы ему договариваться, но только не с отмычкой, болтающимся в Зоне меньше месяца. Скорее уж со мной. И не посредством электронной почты – когда бы он успел? Да и что Обойма мог ему предложить? Половину денег

за ту штуку, что лежит у меня в портсигаре? Не смешите меня. Че управляет такими финансовыми потоками, которые нам, радиоактивному мясу, и не снились.

С другой стороны, мог ли Обойма симулировать собственную смерть? Что нужно сделать с ПДА, чтобы тот зафиксировал смерть хозяина от резаной раны горла? Мог ли этот тугодум найти способ обмануть сложную электронику?

Вряд ли.

Итак, можно быть на девяносто девять процентов уверенным, что Обойма мертв. Однако тогда возникает не менее неприятный вопрос: кто завалил его быстро, умело и без шума? И где убийца сейчас, а также чего он хочет от меня, если до сих пор не появился на глаза?

Ясно одно – Обойму завалил человек, поскольку его ПДА не зафиксировал в момент смерти присутствия рядом мутагенных форм. Завалил с таким расчетом, чтобы я об этом не узнал. Скорее всего, он предварительно повредил в драке ПДА Обоймы, чтобы тот не подал сигнала о гибели хозяина – мало ли сталкеров без вести пропадают в Зоне вместе со своими портативными компьютерами. Однако расчет не оправдался – поврежденный ПДА отмычки все-таки отправил в сеть свое последнее сообщение, хотя и с небольшим опозданием.

Я осторожно выглянул из траншеи. Координаты гибели сталкера обозначают определенную точку на местности согласно масштабной сетки. Высоту и глубину координаты не учитывают. Значит, Обойма вполне мог погибнуть почти в том же самом месте, что и Китаец, только не в котловане, а наверху, у самого обрыва. Наверное, он выследил меня при помощи датчика движения, подкрался к котловану и собирался полоснуть по мне сверху из автомата – тут-то его и настигла смерть.

Целый детектив, мать его. Кто же это мне помогает?..

Не могу сказать, что мне понравилась такая помощь.

Наконец я разглядел указанный в сообщении квадрат местности. Вот он. Равнинный участок, кучка деревьев у склона, высокая трава, вполне способная скрывать труп. И зверски вырванный у самого края обрыва огромный кусок почвы – в том самом месте, где над котлованом еще четверть часа назад нависал тяжелый экскаватор-«бизон».

Ага. Вон что. Вот теперь, кажется, все становится на свои места.

Хотя картина вроде бы прояснилась, я пополз к обрыву по-пластунски. На всякий случай. Если вдруг я оценил ситуацию неправильно, убийца Петра Шорника может сейчас сидеть в лесу и аккуратно целиться в меня. Кто знает, что у него на уме.

Обойму я действительно обнаружил в высокой траве неподалеку от края котлована. Он лежал на спине, на лице у него застыло глубочайшее изумление – почти такое же, как за несколько мгновений до смерти на лице у Китайца, – а в шее сбоку торчал глубоко вонзившийся осколок стекла, выбитого взрывом из кабины экскаватора. ПДА Обоймы и вправду оказался помят ударной волной. Лужа крови под головой отмычки была такой обширной, что небольшой ручеек устремлялся от нее к котловану и исчезал за краем обрыва.

Не стоило ему прятаться за экскаватором. Совсем не стоило. Не принесло это ему счастья.

Фу, черт. Аналитический склад ума, позволяющий быстро достраивать возможную картину происшедшего из мелких деталей, следов, косвенных свидетельств и слухов, – это, конечно, полезно, и он не раз уже спасал меня в Зоне, когда я просчитывал ситуацию на несколько ходов дальше и быстрее противника. Однако иногда он играет со своим обладателем странные шутки.

Поднявшись с земли, я подобрал валявшийся рядом с Обоймой автомат и передернул затвор. Похоже, ему взрывная волна не повредила. Хорошее оружие, неприхотливое. И вполне эффективное против кровососов, в чем я сегодня мог убедиться еще раз.

Патронов в рожке было достаточно.

ПДА негромко зажужжал, и я чуть не подпрыгнул от неожиданности. Пришла очередная почта: «07.39, Юрий „Живчик“ Семяцкий, Янтарное озеро, псевдогигант, UG 343/w».

Я сплюнул, но уже без злобы, облегченно. Мертвый Семяцкий – это хорошо. Это хорошая примета.

Только чуть поздноватое. Я посмотрел на хронометр. Определенно, сегодня некоторые некрологи чуть запаздывают. Надо будет обратить внимание Че.

Забросив автомат за плечо, я неторопливо побрел вдоль бывшей линии электропередачи, высматривая прячущиеся в траве мясорубки. Несмотря на то что все закончилось так, как и должно было закончиться, я еще некоторое время ожидал выстрела в спину и мне страшно хотелось оглянуться.

Разумеется, никто мне в спину не выстрелил.

Глава 2. Бар «Шти»

Я ввалился в бар «Шти» в самый час пик. Через массивные железные ворота в высоком кирпичном заборе меня пропустил штатный швейцар-вышибала Гоблин, шкафчик метр девяносто девять на метр девяносто девять, бывший член сборной страны по регби. Я ткнул в его сторону указательным пальцем и сказал: «Бабах!» Гоблин скривил рожу и отвернулся.

Один-ноль.

Я пересек внутренний двор, нырнул в предбанник и окунулся в грохочущую тяжелой музыкой, наполненную спиртовыми парами, пропитанную табачным и конопляным дымом атмосферу салуна. В углах бара, в решетчатых декоративных колоннах из хромированных прутьев, лениво извивались в такт музыке девчонки топлесс. В центре бара возвышался окруженный невысокой решеткой подиум, на котором после двадцати двух ноль-ноль выступали нон-стоп стриптизерши нью более высокого класса. В дальнем конце помещения располагалась длинная барная стойка, занавешенный бамбуковой занавеской дверной проем рядом с ней вел в бильярдную. Оттуда доносился грохот шаров. Вдоль стен выстроились игровые автоматы, а также механические торговцы газетами, презервативами и энергетическими пилюлями.

Бар был полон сталкеров – в основном стариков из моего клана, хотя попадалась и борзая молодежь из тех, кого ветераны снисходительно допускали в свою компанию. Сейчас было недетское время – отмычки тусовались здесь в основном до заката. Я же, вернувшись рано утром со Свалки, завалился к Динке и, отмокнув как следует в ванне, отсыпался до самого вечера, пока подруга не собралась на работу. Прихватив портсигар, я отправился с ней. У входа в бар мы расстались: Динка отправилась в переодевалку, а я – в общий зал.

За дальним столиком блеснул очками и поднял руку в приветствии Муха. Я кивнул ему. У входа оккупировали пару сдвинутых столов Гурвинек, Сыпь, Мавпа, Хе-Хе и Пивкабы. Пожимая им клешни, я обогнул их столики, дружески ткнул Гвинпина кулаком в плечо, шлепнул по спине Монаха, что-то оживленно обсуждавшего с Енотом и опасно размахивавшего дымящейся сигаретой прямо перед носом у собеседника, подмигнул скачущей в одних трусиках вокруг металлического шеста на подиуме Ириш, хлопнул по подставленной ладони Крота Кирилла, приобнял Патогеныча и уселся за стойку бара, прямо напротив бармена Джо.

Бармен вопросительно уставился на меня.

– Налей мне... это... на четыре пальца прозрачного! – небрежно бросил я. Потом представил, как Джо льет мне из бутылки на пальцы, и поморщился. Богатое, мать его, воображение. – Короче, водки и вот досюда. – Я отчеркнул ногтем место на стакане, до которого следовало наливать прозрачное. – Вкусной, ароматной, полезной и питательной водки. И побольше, доктор, побольше.

– Побольше или вот досюда? – флегматично осведомился бармен.

– Вот досюда, но как можно больше, – терпеливо пояснил я бестолковому.

Джо кивнул с таким серьезным видом, что человек, незнакомый с ним, был бы готов ручаться, что бармен действительно собирается уместить в указанный объем пару бутылок «Черного Сталкера».

Вообще-то Джо прибалт и зовут его на самом деле Айвар. Он долговязый и совершенно лысый, а его рыжая борода по самой последней европейской моде всегда заплетена в длинные афрокосички. Впервые я с отвращением подумал, насколько он похож на кровососа. Впрочем, это сходство могло быть и не случайным: от Джо можно ожидать чего угодно.

– Бубна у себя? – поинтересовался я, придвигая к себе тщательно отмеренное барменом прозрачное.

– Угу, – пробурчал Джо. – Над златом чахнет.

– Ну, стало быть, будьмо.

Приподняв стакан, я уважительно качнул им в сторону сидевшего рядом Патогеныча – Патогеныч приподнял свой бокал с «Оболонью» в ответ – и выплил содержимое стакана в несколько солидных глотков. На глаза навернулись крупные лошадиные слезы. Выпитое поселилось где-то в районе солнечного сплетения и начало стремительно расползаться по жилам. Пожалуй, следовало что-нибудь опустить в желудок – я не ел со вчерашнего дня. Динка с утра пыталась меня покормить, но сутки после Зоны всякая еда стабильно вызывает у меня тошноту. Привычная доза так активно бросилась в голову и в ноги, что я даже задумался на мгновение – не слишком ли резво начал? Впрочем, я почти сразу пришел в норму, то есть приятно поплыл, и мысль о закуске благополучно оставила меня.

Видит Черный Сталкер – не пьем, а лечимся.

– Джо, – доверительно произнес я, отправив следом за водкой дольку душистого лимона, – мне нужен Бубна.

– Ясное дело, – кивнул бармен. – Всем, кто приходит сюда, всем без исключения нужен Бубна.

– Прямо вот всем? – усомнился я.

– Девятерым из десяти.

– О как! – Я демонстративно сплюнул на пол лимонную косточку. – Молодца. Занятой человек, уважаю. Это мы, радиоактивное мясо, в общем-то пустяками занимаемся, а Бубна настоящими делами ворочает. Набабахай мне еще прозрачного.

Получив вторую порцию, я развернулся на высоком стуле и принялся с интересом наблюдать за происходящими на стриптизном подиуме событиями. К этому времени Ириш уже осталась в чем мать родила. На это стоило взглянуть, честное слово. Теперь я попивал водку маленькими глоточками, как меня научил в свое время один мичман. Недурственно.

– Бубна ждет тебя со вчерашнего дня, – проговорил Джо, не дождавшись от меня продолжения. – Не стоило бы тебе заставлять его ждать. Ты ведь утром вернулся из-за Периметра?

– Ну? – с готовностью удивился я, не прерывая наблюдений. – Со вчерашнего дня ждет?

– Точно.

– Ну, стало быть, подождет еще часок-другой, – здраво рассудил я. – Не рассыплется. Ждал со вчерашнего дня, подождет еще немного. О, о! Ты посмотри, как она вот этим вот всем крутит!..

Джо начал нервничать – чего, собственно, я и добивался.

– Слушай, Хемуль! – произнес он, и как всегда, когда он нервничал, в его речи начал отчетливо проскальзывать ярко выраженный прибалтийский акцент. – Не гони волну. Бубна сейчас серьезно тер с Че. Как только ты вошел, он сразу отложил разговор. Он тебя действительно ждет, понимаешь? Не надо, не зли его сейчас. Всем нам будет лучше. Он и так вчера психовал весь вечер: боялся, что потерял из-за внепланового выброса крутого сталкера.

– Крутого? – картинно изумился я.

– Крутого! Крутого! Круче, чем пять слонов, стоящих друг на друге! Ради всего святого, поговори с Бубной, крутой, не буди в нем зверя.

– Что мне Бубна? – патетически спросил я. – Что я Бубне? Суета сует, одна сплошная суета...

– Слушай... это... – выдавил наконец Джо. Признаваться ему было неприятно, однако он уже понял, куда я клоню. Переупрямить меня еще никому не удавалось, особенно когда я в дурацком настроении и уперся рогом. – Он с меня шкуру спустит, когда узнает, что я тебя сразу не проводил к нему...

– О как! – удивился я. – То есть мы больше не играем в «Я-крутой-бармен-Джо-который-может-выпендриваться-перед-Хемулем-когда-только-пожелает»?

– Не играем, – угрюмо признался Джо.

– Ладно. – Я поставил свое недопитое прозрачное на стойку. – Тогда категорически уважим человека, как говорит один мультяшный страус. – Я подергал Патогеныча за футболку. – Брат, не пускай никого на мое место. Не позволяй никому допивать мое пойло. Я отплачу хабаром.

Патогеныч сложил из пальцев левой руки нечто вроде «о'кей» и, когда я слез со стула, бросил на него свое камуфлированное кепи.

Я обогнул барную стойку и вслед за Джо нырнул в низкую дверь, ведущую во внутренние служебные помещения бара. Дверь охранял бывший коллега Гоблина по регбийной команде, известный в народе как Храп. Он подозрительно покосился на меня, но Джо сурово кивнул ему: этот со мной, калечить пока не надо. Храп разочарованно вздохнул.

Благополучно миновав Храпа, мы двинулись по узкому извилистому коридору, изгибы которого напомнили мне изгибы котлована на Свалке. Насколько я помнил, в темных тупичках дежурила еще пара-тройка громил, но их мне в полумраке видно не было.

У толстой, похожей скорее на люк подводной лодки металлической двери, которой заканчивался коридор, нас поджидал еще один бывший регбист, именуемый Сирота. Видимо, ребята передавали нас по цепочке, связываясь через мобильники. При виде внушительной, кряжистой фигуры Сироты хотелось немедленно упасть и перекатиться, уходя с линии огня. Он задумчиво хлопал меня по карманам, затем поднес к уху телефонную трубку, совершенно утонувшую в его медвежьей лапе:

– Хемуль на месте, босс. Без шороху. Все чисто.

Кстати, Сирота – это у него, в отличие от остальных громил, была вовсе не кличка, как могло показаться, а самая что ни на есть подлинная фамилия.

Присутствие в охране Бубны сплошных регбистов особой загадки не представляло: когда-то, еще в мирной жизни, он играл за сборную Украины, а потом еще ухитрился ее немного потренировать. Его бывшие подопечные ради него готовы были выйти один на один с псевдогигантом, а это дорогого стоит.

Грохнули засовы, разблокируя металлическую дверь. Судя по всему, их было шесть, и они заклинивали дверь не только с боков, но также сверху и снизу. Я посещал Бубну не в первый раз и давно уже успел подсчитать. Хорошая система, голыми руками не взломаешь, особенно если конструкция укреплена замурованными в стену стальными профилями. А она наверняка укреплена. Но можно и здесь кое-что придумать, если иметь под рукой соответствующее снаряжение и четверть часа свободного времени.

Не то чтобы я подсчитывал и прикидывал все это с какими-то определенными намерениями. Просто профессиональная привычка.

Бармен Джо с натугой приоткрыл тяжелую дверь, пропуская меня вперед, и вошел следом за мной. Дверь за его спиной глухо бухнула.

– Поздорову, бродяга, – донесся до меня из глубины помещения проникновенно-хриплый голос. За такой голос любой исполнитель блатного шансона отдаст полжизни, точно вам говорю.

Бубна сидел за массивным дубовым столом и, наклонив голову, ласково смотрел на меня. Меня его напускное радушие обмануть не могло: я знал, каким страшным он может быть в ярости. А припадки ярости, судя по мандражу бармена Джо, настигают его в последнее время все чаще и чаще.

Бубна был старый чернобылец. Он мог сделать неплохую спортивную карьеру, но за каким-то хреном отправился добровольцем тушить станцию, еще когда она рванула в первый раз. Потом, когда окончательную катастрофу удалось предотвратить, работал несколько лет на заглушаемых энергоблоках, потом участвовал в аварийных работах по ликвидации последствий второго взрыва. Никто не знает, как ему удалось выйти из Зоны, образовавшейся после самого первого выброса, однако он вышел. Бубна был в числе первых легендарных сталкеров,

он лично знал Шухова, Семенского и Оборотня Завьялова, еще когда они были людьми, но в Зону ходил недолго – во время одной неудачной вылазки по колено провалился в подвалах НИИ «Агропром» в студень и лишился обеих ног. Его вытащил Звериный Доктор и некоторое время лечил у себя на Болоте, а потом доставил в лагерь ученых на Янтарном озере. Лишенный возможности ходить в Зону, Бубна занялся коммерцией: он скупал у сталкеров артефакты, взамен поставляя им через посредников боеприпасы, снаряжение и тушенку. Контрабандная схема Бубны оказалась удачной, он довольно быстро поднялся, расширил дело, оброс необходимыми связями как среди военных, так и среди вольных сталкеров, и вскоре стал одним из самых значительных местных теневых деятелей. Столичные братки пытались прибрать к рукам его процветающий бизнес, но Бубна, продемонстрировав незаурядные дипломатические и полководческие способности, с одними неудобными людьми сумел договориться, других ликвидировал. Теперь, судя по всему, он имел покровителей на гораздо более высоком уровне – как в преступном мире, так и в законодательной верхушке страны.

– Поздорову, отец, – наконец произнес я.

Дверь Бубна запирасть не стал, Джо просто плотно прикрыл ее за собой. Разумеется, на случай: если посетитель начнет бузить, нельзя отсекать себя, драгоценного, от охраны. Интересно, где у него пульт, подающий команды на запорный механизм?

А судя по всему, с обратной стороны столешницы. Это логично и крайне удобно: можно в случае чего нажать коленом.

– Чем порадуешь? – вкрадчиво поинтересовался Бубна.

Я вытащил из кармана портсигар и бросил его на стол.

– Вот.

– Это оно? – поинтересовался Бубна, подняв на меня глаза.

– Оно самое.

Бубна перевел взгляд на Джо.

– Открой.

Бармен Джо послушно подцепил крышку портсигара ногтем, приоткрыл ее. Прищурился, словно от нестерпимо яркого света.

– Покажи, – потребовал Бубна.

Джо развернул портсигар к нему. Хозяин кабинета прищуриваться не стал, выдержал. Молодец. Старая школа.

– Закрой, – негромко произнес Бубна.

Джо поспешно, с явным облегчением защелкнул крышку.

– Положи, – сказал Бубна.

Затем он вытащил из ящика стола перетянутую резинкой пачку денег и бросил ее рядом с портсигаром. Я без всякого интереса посмотрел на нее.

– Хемуль?... – ласково произнес Бубна.

– Я оставил в Зоне всю команду, – сообщил я, не прикасаясь к деньгам. – И знаешь почему? Твои отмычки оказались гнилыми.

– Хемуль, – тяжело сказал торговец, положив квадратные ладони на стол. – Я тебя подставлял хоть раз?

– Знаешь, в нашем деле, как у саперов: единственного раза достаточно.

– Брось! – Бубна грянул кулаком по столу. – Для каких раскладов мне закапывать опытного сталкера?! Вы и так мрете, как мухи осенью! Короче, ты мне пытаешься предъяву выставить за отмычек или я тебя плохо понимаю?

– Я тебе ничего не пытаюсь выставить, отец, – скучным голосом сказал я. – Просто сообщаю, что твои отмычки оказались насквозь гнилыми. И мне пришлось их класть самому вместо мясорубок. А это всегда напрягает. Это раз. – Для наглядности я демонстративно загнул мизинец на левой руке. – Далее. Все оказалось совсем не так просто и красиво, как ты описы-

вал. А если бы я с самого начала получил более подробную информацию, я бы вел отмычек малость по-другому. Лишнее снаряжение взял бы, что ли. Это два. – Второй палец. – Наконец, эта штука в портсигаре. Ты не говорил, что с ней все будет *так*. Не действует через серебро? Черта с два! Действует, и еще как. А я протаскал ее сутки возле самого сердца. Это три и четыре. – Я сжал руку в кулак.

Бубна грустно смотрел на меня. Я представил, как у него в черепной коробке вращаются барабанчики с цифрами, нарисованными лимонами и знаками доллара.

– Сынок, ты в Зону ходил или в кино с девочкой? – наконец проронил он. – Ты лучше меня знаешь, как там ситуация меняется каждую минуту. У меня была кое-какая обрывочная информация, но если бы я имел точный маршрут с детально нанесенными на нем ловушками, согласись, я бы тебя не стал нанимать за такие бабки. Послал бы вон своего оболтуса какого-нибудь, Сироту, например. То же самое и с этой штукой. Никто не знает, что она такое. Никто не знает, как с ней толком обращаться, на что она способна. Ты ее забрал, я перепродал дальше, а изучать и использовать ее по назначению будут совсем другие люди. Ты понимал, на что идешь.

Я молча смотрел ему в переносицу. Несколько мгновений мы играли в гляделки, потом Бубна огорченно крикнул.

– Ну, добро.

Он опустил руку под стол и защелкнул рукоятку походного сейфа. Я напряженно слушал: щелк-щелк-щелк – тр-р-р-р-р – щелк-щелк – щелк-щелк-щелк – щелк – тр-р-р. Баловство, конечно, хренушки так чего определишь, но в нужный момент самая мизерная информация может здорово помочь. Проверено. Так что последовательность щелчков и прокрутов лучше запомнить. На всякий непредвиденный случай, как говорил один страус.

– Вот так. – Бубна придвинул ко мне перетянутую резинкой пачку денег, которая уже лежала на столе. – Это как договаривались. И еще за моральный ущерб. – Он бросил сверху две пачки потоньше, составленные из бумажек другого достоинства. – Без обид?

– На обиженных обычно воду возят, – солидно заметил я, сгребая деньги. – И рельсу кладут.

– Следующую работу – берем? – как бы между прочим поинтересовался Бубна.

– Нет, – немедленно отозвался я, старательно подравнивая края пачек, чтобы они уместились в объемистом внутреннем кармане. – Следующую работу – не берем. Ложимся на дно и пару недель глубокомысленно пропиваем вот эти три пачки. Аут.

– А потом опять придешь в долг вымаливать? – хмыкнул Бубна. – Кой черт – пару недель! Сейчас выйдешь в зал, протавишься всем пару раз – и снова пустой.

– Сдается мне, ты малость преувеличиваешь, отец, – с достоинством заметил я.

– Короче, есть у меня для тебя небольшая сезонная халтура, – проговорил хозяин кабинета, технично пропуская мои возражения мимо ушей. – Легкая, не напрягайся. Не как в последний раз. Значит, имеем группу интуристов. Имеем в финансовом смысле, не в сексуальном, не смотри на меня так. Свихнувшиеся на экстриме интуристы хотят сафари в Зоне. За ценой не стоят, но желают за это получить все самое лучшее. Лучшее снаряжение. Лучший маршрут. Лучшего ведущего – тебя то есть. Лучшего помощника ведущего – ну, Гурвинека там или вон Хе-Хе. С Хе-Хе они поговорили вроде, он им понравился. Короче, надо потаскать группу из пяти человек по Зоне, пострелять с ними псевдоплоть, проследить, чтобы не совались туда, куда слепая собака хрен не сунет. Маршрут выбираешь сам, все честно. Сам себе хозяин. Денег насыплют полную шапку. Минус мои проценты и некоторая сумма в общак клана. Идет?

– Заманчиво... – Я почесал в затылке. – Только я действительно выложился в последний раз по полной. Все, не могу, отец. Аут. Подбери им кого-нибудь другого.

– Я не могу подобрать другого. Проблема в том, что им нужен именно ты.

– С какой это стати их заинтересовала моя скромная персона?

– Я посоветовал, – простецки ответил торговец. – Они потребовали в проводники не просто суперопытного stalkера с безошибочным чутьем на опасность, но еще и самого везучего сукина сына. То есть такого, который постоянно вылезает из абсолютно безвыходной задницы и делает это достаточно давно. И я подумал, что раз они выкладывают такие бабки, надо вести бизнес честно и предоставить им именно такого сукина сына. Вообще эти штатовцы придают везучести очень большое значение, они ведь там у себя страшно суеверные все. Не веруют как следует в Господа нашего Иисуса Христа.

Я припомнил, что в последний раз, в котловане, действительно вылезал из полной задницы несколько раз подряд, и мысленно был вынужден согласиться с Бубной. Хотя сравнение мне не понравилось. Нет, не понравилось.

Решив, что молчание затягивается, Бубна назвал сумму. Сумма оказалась такая, что если бы это число упало на пол, нолики раскатились бы по всей комнате.

Это несколько меняло дело. Но найдется ли в Северном полушарии человек, способный меня переупрямить, когда я в дурацком настроении и уперся рогом?..

– Из самой безвыходной ситуации выбрался Черный Сталкер Дима Шухов, – произнес я. – Повезло необыкновенно. Пусть наймут его в проводники. И заодно Юру Семецкого, в помощники ведущему.

– Ладно, Хемуль, – Бубна поспешно выставил перед собой ладонь, словно заранее отметая все, что я скажу ему дальше. – Ты вымотался и перенервничал. У тебя были трудные сутки. Отдохни, сынок, попей прозрачного, покувыркайся с Дианой. А завтра вечером приходи опять. Приходи и соглашайся. Только не тяни, потому что послезавтра утром вакансия уже будет занята. – Он замолчал и выжидающе посмотрел на Джо.

Бармен кашлянул.

– Проводить? – поинтересовался он.

– Проводить, – милостиво кивнул Бубна. – И это... – он брезгливо ткнул мизинцем в лежащий на столе серебряный портсигар. – Фельдшеру.

Сдав на обратном пути портсигар с добытым мной ценным артефактом кому-то из охраны, Джо снова занял пост за стойкой. А я снял кепку Патогеныча с моего стула и опустился на свое место.

– Кстати, – обратился я к Джо, – Бубна в чем-то прав. Налей-ка всем ребятам, кого я знаю в этом баре, на четыре пальца прозрачного за мой счет. Будем считать, что сегодня я несколько раз подряд возвратился с того света, а это необходимо отметить, пока Дима Шухов не наказал за жадность. Молоднюку не наливай, и вон тем уродам в углу, и вон тому типу тоже – я его в первый раз вижу.

В зал я вернулся вовремя. Подиум как раз покидала Гюзель, которая, пикантно наклоняясь, собирала по всей сцене раскиданные предметы своего нижнего белья. Едва только она скрылась за бархатным занавесом, иллюминацию слегка притушили, и все физиономии в баре разом повернулись к сцене. Вот подонки, сейчас станут пялиться на мою подругу, лакая мое пойло. Дуплет! Поубивал бы гадов.

Хотя где-то и приятно, конечно. У них-то такой девочки нет и не будет никогда.

Динка вылетела в круг света на подиуме мягко, но хищно, словно пантера. В этот раз она была одета под байкершу: тугая кожаная юбочка, едва прикрывающая бедра, тертая джинсовая куртка с вышитым на спине блестками именем «DIANA», черные туфельки на высоком каблуке и с острыми носками, стилизованные под «казаки». Музыка, сопровождавшая ее эффектное появление, принадлежала – правильно, «ZZ Top», группе, культовой среди байкеров уже более полувека. Ухватившись за шест, Динка стремительно провернулась вокруг него, а затем резко наклонила голову, словно норовистая кобылка, и тут же запрокинула ее в такт бодрому реву техасских бородачей из динамика, позволив своим шикарным волосам черной

бабочкой метнуться вперед, а потом свободно расплескаться по плечам. По залу прокатилась волна оживления, Муха восхищенно засвистел в два пальца.

Отточенным движением красивой головки Диана снова заставила волосы взмыть в воздух, одновременно распахнув кожаную куртку и тут же снова укрыв свое плоское пузико от посторонних взоров. На ней был черный кожаный топик. Еще у нее была новая татуировка пепельного цвета по всему телу, как у якудза, однако по отдельным кускам рисунка, видневшимся из-под одежды, пока невозможно было разобрать, что это такое.

Динка раздевалась вдохновенно и энергично. Куртка полетела на пол, и пузико стало наконец доступно для всеобщего обозрения. Покрутившись по сцене и позволив самцам со всех ракурсов оценить свою затянутую в кожу идеальную фигуру, Динка под музыку начала вылезать из топика, словно змея, сбрасывающая шкуру. Под топиком обнаружился черный лифчик. В течение пяти следующих минут эффектно избавившись от юбки и лифчика, она продемонстрировала свою безупречную грудь четвертого размера и шикарные бедра. Заведя публику до предела, она наконец стащила с крутых бедер трусики, коротко вышагнула из них и движением ноги отправила их в публику. Счастливым обладателем трусиков стал Мавпа. У Динки была крепкая вздернутая попка, которую так и хотелось обхватить ладонями. Потом софиты внезапно вырубили, и в полумраке ярко вспыхнула разными цветами люминесцентная татуировка моей подруги, на свету выглядевшая серой и невзрачной. Это был дракон, который словно прижался к Динке сзади, обхватив ее двумя лапами под грудью, обвив ноги до самых щиколоток длинным хвостом и деловито положив морду ей на плечо. Выглядело это страшно эротично, у меня даже нос зачесался от возбуждения.

Динка упала на четвереньки и в такт музыке начала энергично раскачиваться всем корпусом и поддавать тазом, будто татуированный дракон неистово брал ее сзади. Тут, полагаю, мужское начало отвердело не только у меня.

Я, конечно, так себе разбираюсь в пластическом искусстве, но если это не оно самое, то я папа римский. Покойный.

По окончании номера собравшиеся в баре сталкеры, до того молча и жадно наблюдавшие за пикантным зрелищем, завопили, зааплодировали, затоптали ногами, засвистели, завыли, подражая сексуально озабоченным волкам и койотам из американских мультиков.

– Феерично, – сказал мне Патогеныч, закончив выть. – Но отлучусь. Мочевой пузырь катастрофически переполнен.

– Очень подозрительно, – заметил я.

– Да, я иду рукоблудить! – рассердился Патогеныч. Его борода возмущенно встопорщилась, темные очки сползли на кончик носа. – Ибо надо быть деревянным, чтобы безболезненно переносить такие шоу-программы! И никто не вправе мне воспрепятствовать. Потому что мы живем в свободной стране. Кажется. Хемуль, слушай, а в какой мы сейчас хотя бы стране?..

– Ступай уже. Я покараулю тебе место, – пообещал я.

Патогеныч ушел в туалет, и на его стул тут же вскарабкался Хе-Хе.

– Старик сейчас вернется и прогонит тебя пинками, – честно предупредил я.

– Я ненадолго, – пояснил Хе-Хе.

Этот тип был страшно похож на актера из одного старого фильма, который я как-то от нечего делать смотрел по телевизору у Динки. Названия я не помню, потому что смотрел не с начала. Там вроде бы хорошие вампиры мутузились с плохими, зилковский фургон прямо на трассе перекувырнулся через кабину, а один крендель в черных очках, как у Патогеныча, хороший,пил свиную кровь из термоса – человеческую ему было запаadlo, религия не позволяла, – и время от времени кричал: «Всем выйти из тени! Ночной патруль!» Кино было нормальное такое, жизненное – особенно мне понравилось, как главный плохиш вынул себе через разрез в шее позвоночный столб и махался этим столбом с главным хорошим в черных очках, который в качестве оружия использовал длинную ртутную лампу дневного света. Ну так вот, был

там у хороших крутой водила, дававший по городу на том самом перевернувшемся зилловском фургоне под двести в час. Именно на него и был поразительно похож Хе-Хе – и внешностью, и повадками, и голосом, и манерой говорить.

– Ты не с Бубной сейчас разговаривал? – спросил Хе-Хе, задумчиво глядя, как по сцене скользит очередная стриптизерша.

– А что?

– Так, интересуюсь знать. – Он помолчал. – Что ты решил с туристами? Паковать мне рюкзак?

Я сделал крошечный глоток водки.

– Паковать, конечно. Только без меня.

– Что так? – Подняв бровь, Хе-Хе перевел на меня удивленный взгляд. – Хорошие вроде деньги предлагают.

– Не хочу, – сказал я. – Устал. Отмычки, которые мне позавчера подобрал Бубна, оказались гнилыми. И вообще работенка, которую подыскивает мне Бубна, раз от разу оказывается насквозь гнилой. Надоело.

– Ну, в этот-то раз все в ажуре! – возмутился Хе-Хе. – Все абсолютно прозрачно. Работа непыльная. Деньги хорошие. Риска мало. Хе-хе! Чего я тебя уговариваю, как девочку?

– К чертовой бабушке, – заявил я. – Меня вырвет сразу, как только я перешагну через Периметр. Осточертела мне Зона, поганка, хуже горькой редьки. Полежу маленько на диване, поплюю в потолок, поплюю прозрачного, глядишь, полегчает через пару недель.

– Верное дело упускаешь, Хемуль! – горячо заговорил Хе-Хе. – Столько денег огребем, что потом можно будет полгода безнаказанно в потолок плевать!

– Да что, на мне свет клином сошелся? – рассердился я. – Пусть вон Муха сходит. Он как раз на мели, ему позарез работенка нужна.

– Хе-хе! Муха не годится, – пояснил Хе-Хе. – Муха плохо знает Темную долину.

Я всем корпусом развернулся к нему.

– А зачем это господам туристам Темная долина? – вкрадчиво поинтересовался я.

– Господа туристы хотят бить бюроера.

– Ах, значит, бюроера! Всего-навсего! А контролера они не хотят бить? А псевдогиганта?..

– Псевдогиганта – непременно, – серьезно ответил Хе-Хе. – А контролера – по обстоятельствам. Слишком рисковать они тоже не хотят, хе-хе. Например, про химеру я уже объяснил, что она им будет не вполне по зубам. Но если ведущий даст добро и обеспечит достаточную безопасность – будут только за.

– Ну, блин! – только и сумел прокомментировать я такую наглость.

– Еще они собираются бить припять-кабана, кровососа, чернобыльского пса и псевдоплоть, – продолжал Хе-Хе. – Знаешь, была раньше такая Большая африканская охотничья пятерка: лев, слон, леопард, носорог и буйвол. Пока ты, значит, не добыл всех пятерых, хотя бы по одному экземпляру, не можешь считаться полноценным охотником. Сейчас львов не осталось ни хрена, слонов моторизованными патрулями охраняют, носорога разве что в Харьковском зоопарке можно увидеть. Зато чернобыльских мутантов – вон, полная Зона. Хе-хе! Бей – не хочу. И некоторые из них, между прочим, куда опасней Африканской пятерки. Прямо раздолье для экстремальной охоты.

Он снова издал мерзкий смешок, за который и получил свое боевое прозвище. На самом деле оно вовсе не означало сокращенного «Хемуль-Хемуль», то есть Хемуль в квадрате, как рассказывал новичкам сам Хе-Хе.

– Они психи ненормальные, эти туристы, – сказал я. – Фига себе сафари.

– Они бабки платят бешеные, – напомнил Хе-Хе. – Могут себе позволить быть психами.

– Ну их к монахам на самом деле, – сказал я. – Ты что, всерьез решил, что я на это подпишусь?..

– Слушай! – заторопился Хе-Хе. – Я уже все прикинул. Риск минимален. В семь стволов, да еще если по всем правилам загнать, можно завалить и псевдогиганта. Сильно глубоко в Зону лезть необязательно. Риска нет практически! Не надо ходить в Долину Смерти, не надо мотаться в Припять, не надо лазить по Болоту, не надо приближаться к Саркофагу... Хе-хе! Не доходя до Янтарного озера, найдем любую дичь. Ну, максимум на Милитари. Собаки, крысиные волки и зомби вообще вдоль Периметра шастают, можно прямо с той стороны колючей проволоки отстреливать...

– Что, и на зомби тоже будем охотиться? – уточнил я.

– Ну, туристы сказали, что неплохо бы, – насторожился Хе-Хе.

– Может, тогда сразу начнем с военных сталкеров? – предложил я. – Или загоним кого-нибудь из темных по всем правилам?

– Хе-хе, – неуверенно хихикнул мой собеседник. – Ладно чушь-то пороть...

– Зомби – это бывшие люди, – сказал я, стискивая стакан. – Такие же сталкеры, как мы с тобой, понял? Убить зомби для самообороны – одно, а устраивать на них охоту со спецнаряжением...

– Ну знаешь, брат! – Хе-Хе поморщился. – А кровососы – не бывшие люди? Явные результаты генетических экспериментов. Суперсолдат, гады, выращивали... Ведь положить кровососа для сталкера – дело чести. А?

– Кровососы – твари, – сказал я. – Хитрая, умная, злобная, вечно голодная биомасса. В них уже ничего человеческого не осталось.

– А бюреры? Контролеры, в конце концов? Хе-хе! С контролером даже поговорить по душам можно.

– Хлам это все, понимаешь? Генетические твари на человеческом биоматериале. Псевдоплоть тоже все время бормочет какую-то чушь, но ты же не назовешь ее человеком? А зомби вчера были людьми. Вчера, позавчера, на той неделе. Завтра зомби можешь стать ты, и пьяные американцы устроят на тебя сафари.

– Да лучше уж так, чем бродить по Зоне, пока совсем не сгниешь, – буркнул Хе-Хе.

– На самом деле вся эта затея насквозь гнилая, – сказал я. – Вот смотри, что получается. Значит, им нужно по экземпляру всякой твари. Ну, слепых собак и крысиного волка где угодно можно найти в количестве и ассортименте. Дальше: на псевдоплоть проще всего наткнуться на Свалке. Ну, тоже пусть. По Свалке только ленивый не гуляет. А вот бюреры водятся в подвалах Темной долины, если они выбираются на Свалку, то это большая редкость. Псевдогиганты в основном попадают в окрестностях Янтарного озера и ближе к Болоту. Контролера лучше всего искать на Милитари, кровососа и кабана – в районе завода «Росток». Улавливаешь? Это сектора, где постоянно копают военные сталкеры и ученые – бывшие лаборатории, секретные предприятия и почтовые ящики. Думаешь, случайно совпало?

Хе-Хе серьезно задумался. Судя по его физиономии, такая мысль ему в голову не приходила.

– Думаю, случайно, – произнес он.

– А по-моему, гнильем за версту несет, – сказал я. – Не связывался бы ты с гнильем, Хе-Хе. Целее будешь.

– Ну, это уж мое дело, брат, – отозвался он. – И ты знаешь что... Ты держи свои сообщения при себе, понял? Не болтай попусту, хе-хе. Поручишь мне бизнес – я тебе славно припомню. Отплачу хабаром, что называется.

– Плевал я на твой бизнес, – вяло ответил я. – Спросят меня честные бродяги в лоб – скажу все, что думаю, врать не стану. Не спросят – сами себе будут злобные бакланы. Я в Армию спасения не нанимался отговаривать потенциальных самоубийц с тобой в Зону лезть.

– Ладно, брат, – проговорил Хе-Хе, сползая со стула. – Смотри, ты обещал.

Я пробормотал что-то невразумительное и продолжил созерцать стрип-шоу.

Не успел Хе-Хе вернуться в свою компанию, как над стулом Патогеныча навис тот самый тип, которому не досталось от меня дармовой выпивки. Кто его сюда привел и каким образом он прошел фэйс-контроль на входе, для меня осталось загадкой. А не мешало бы выяснить, каким образом в излюбленный бар нашего клана, можно сказать, в святая святых, просачиваются посторонние личности.

– Занято, – произнес я. В голосе моем отчетливо читалось: в настоящий момент мне лень, но если будешь настаивать, могу и в лоб закатать. То есть, это я надеюсь, что так читалось. По крайней мере, на незнакомца это особого впечатления не произвело, либо он мастерски прикинулся, что не понял.

– Я не отниму у вас много времени, – заверил он. – Всего несколько минут. Вы ведь Хемуль?

– Занято, – терпеливо повторил я.

– Я хотел бы сделать вам одно небольшое предложение.

Да что вы, ребята, сговорились, что ли, весь вечер делать мне предложения? Я не девушка на выданье, слава богу.

– Занято, – сказал я, начиная терять терпение.

– Вы же ходите в Зону?.. – вкрадчиво продолжал незнакомец.

– Ошибаетесь, уважаемый, – произнес я, окончательно потеряв терпение. – Разве вы не знаете, что доступ за Периметр строго запрещен? Я беженец, как и подавляющее большинство местных жителей. Работаю машинистом в котельной. Вы меня с кем-то спутали. – Я отвернулся к стойке и краем глаза заметил выбирающуюся из сортира тушу Патогеныча. – Кстати, вот и хозяин места. Шел бы ты за свой столик, дядя, а то бармен потом замучается кровь отмывать со стойки...

Криво ухмыльнувшись, незнакомый тип послушно слез со стула и направился восвояси. Оседлавший свой стул Патогеныч озабоченно посмотрел ему вслед.

– Порядок? – спросил я.

– Порядок, – сказал Патогеныч. – Даже не испачкался. Чего хотел этот?..

– Не знаю. Странного хотел. Признайтесь, говорит, вы же лазаете через Периметр каждую неделю? Не повторите ли то же самое еще раз прямо в микрофон? Среди наших присяжных заседателей, видите ли, попадают глуховатые.

– Ага, – сосредоточенно проговорил Патогеныч.

Он вдруг распрямился, как пружина, и двинулся следом за незнакомцем.

– Эй, – произнес мой коллега, положив руку на плечо странному типу. И когда тот обернулся, с наслаждением всадил ему кулак между глаз. От удара незнакомец стремительно попятился и опрокинулся на пол вместе со столиком Мухи.

– Скука, – сказал я, поворачиваясь к бармену Джо. Судя по доносившимся из-за моей спины звукам, там закипела рукопашная. – Скучно у вас стало, Джо. Совершенно невозможно культурно развлечься. Сколько с меня за все?

– Скука, – подтвердил Патогеныч, опускаясь на стул рядом, когда я расплатился, и меланхолично дую на рассеченные до крови костяшки пальцев. – Эй, Джо, а мне вот еще раз того же самого, – он пощелкал ногтем по своей опустевшей кружке. – И сухарики. И начинай подсчитывать нанесенный заведению ущерб, я все оплачу.

– Брат, – проникновенно сказал я, – возле Зоны нельзя пить пиво. Возле Зоны следует пить только спирт или водку, на худой конец – сухое красное вино, поскольку только эти достойнейшие жидкости качественно выводят из организма радионуклиды.

– Засунь свои радионуклиды себе поглубже в дупло, – с достоинством отвечал Патогеныч. – А у меня сегодня пивной день. Когда я захочу спирта, я буду пить спирт.

– Уважаю, – сказал я, потрепав его по плечу. – Увидимся.

– Куда ж ты денешься, собака.

Продираясь к выходу, я не смог отказать себе в удовольствии притормозить на несколько секунд и понаблюдать, как впавший в боевое безумие Муха валтузит скорчившегося незнакомца. Вокруг них царила обычная в таких случаях неразбериха – кто-то кого-то бил, кто-то отплясывал на столе, круша тарелки подкованными ботинками, а Гоблин с ревом расшвыривал попавших в эпицентр драки посетителей.

Пожав плечами, я вышел из бара и отправился к Динке – лежать на диване и плевать в потолок.

Глава 3. Алтарь Великого Червя

Холодный ветер упругими волнами гулял по Зоне, стонал в ветвях, раскачивал кроны деревьев. Ощущалась в нем дождевая сырость и едва уловимый запах костра. Огромные черные облака высоко в небе яростно пожирали друг друга, клубились, сталкиваясь, расползались к горизонту и исчезали в сиреновой дымке; флегматичное закатное солнце время от времени прорывалось сквозь них, окрашивая лес в багровое.

Шедший в авангарде Енот внезапно предостерегающе вскинул руку.

Мы все мигом замерли там, где находились. Монах осторожно опустил на землю занесенную для шага ногу. Янкель, продиравшийся через еловый лапник, застыл, придерживая ветку, которую как раз отводил от лица. Термит с трудом подавил душивший его кашель. Муха, шедший слева от Енота, быстро присел, обводя заросли датчиком аномалий.

В пространстве повисла гулкая тишина, и каждый из нас чутко вслушивался в нее, пытаясь различить опасность. Я посмотрел на Енота. По-моему, все было чисто, но он шел впереди, и ему было виднее.

Муха поднял руку и сделал особый сталкерский жест, означавший: продвигаемся, но медленнее, чем раньше. Мы осторожно двинулись вперед. Сталкерское чутье – это такая штука, пренебрегать которой смертельно опасно.

Патогеныч резко поднял правую руку, развернув ладонь параллельно земле: мясорубка! Пока они с Беломором бросали в мясорубку болты, пытаясь приблизительно определить ее границы, мы с двух сторон обошли аномалию по широким параболам и продолжали движение.

Хамза махнул рукой, привлекая мое внимание, и очертил в воздухе круг, после чего показал два пальца: горячее пятно в направлении на два часа. Я кивнул: понял, спасибо.

«Грешники» выбрали себе для штаб-квартиры довольно глухое место на северо-востоке Зоны. Когда-то здесь располагалась военная база, на которую вела до сих пор неплохо сохранившаяся асфальтовая дорога, однако этот путь давно был перекрыт скоплениями аномалий и блок-постами «грешников». В чаще аномалий тоже оказалось будь здоров, но через лес мы имели возможность подобраться к базе «Греха» незамеченными на минимальное расстояние.

В настоящий момент еще три группы сталкеров – из кланов «Долг», «Чистое небо» и «Последний день» – обходили логово «грешников» с трех сторон. С руководством большинства других сталкерских кланов была достигнута договоренность, что они не лезут в наши разборки с «Грехом» или молчаливо нас поддерживают. Не присоединились к союзу лишь «Монолит», «Свобода» и темные, сталкеры-полумутанты, которые жили в мертвых деревьях в глубине Зоны и которым, по большому счету, было наплевать на наши человеческие дела. «Грешники» своими чудовищными выходками и ритуалами сумели настроить против себя практически всех вольных бродяг. Мы собирались раз и навсегда покончить с этой раковой опухолью, и не только потому, что имели к ним довольно большие личные счета, но еще и потому, что воспринимали их не иначе как опасных мутантов, как стаю смертельно опасных бюреров, стаскивающих в свои подземелья искореженные предметы человеческого обихода и поклоняющихся им. А наш клан одной из своих основных целей провозглашал очистку Зоны от мутантов.

Четверть часа спустя мы выбрались на опушку леса. Термит приложил к глазам небольшой армейский бинокль, разглядывая высившийся прямо по курсу бетонный забор и видневшиеся из-за него серые полуразрушенные строения. По углам базы находились сторожевые вышки. На одной из них торчал «грешник» в камуфляже, который хаотично вращал включенным прожектором и что-то энергично вещал в мегафон. Шквальный ветер доносил до нас только обрывки фраз:

– Тьма... территория в огне... грехи... да снизойдет... мир сгорит дотла... смерть и опустошение!

Его мегафон отчаянно зафонил, и с вышки донеслась длинная пулеметная очередь. Что-то серое и четвероногое, затаившееся в кустах неподалеку от забора, бросилось удирать к опушке леса.

– Мы прокляты!!! – донеслось с вышки.

Я тронул Термита за плечо и жестами спросил: как думаешь, псих или жертва контролера? Термит пожал плечами. В принципе, зомби так себя не ведут. Однако о целом клане сумасшедших сталкеров мы пока еще тоже ни разу не слышали.

Очередной порыв ветра взъерошил мне волосы. Я повернул голову, чтобы посмотреть, не в нашу ли сторону бросился мутант, вспугнутый выстрелами со сторожевой вышки, – и получил прямо в морду целый ком жгучего пуха.

Ощущения от прикосновения этой дряни весьма болезненные – словно по коже с размаху хлещут пучком крапивы, и ее стрекательные крючья начинают медленно, но неумолимо погружаться в тело. При этом площадь поражения в несколько раз превышает площадь соприкосновения. К счастью, воздействие ядовитой аномалии обычно продолжается недолго, боль понемногу усиливается около четверти часа, после чего начинает слабеть и пропадает часа через полтора. Однако я лично был свидетелем случая, когда человек умер от болевого шока, по пояс провалившись без защитного костюма в груды жгучего пуха, которую намело ветром под стеной здания.

Черт! Слава богу, не попало в глаза. Зажмурившись, я на ощупь отыскал на поясе аптечку и воткнул в скулу иглу шприца с антидотом. Главное, чтобы не получилось заражение, а пару недель, которые мне придется ходить с рябой физиономией, не самое страшное. Динка мне простит. Наверное.

Рассыпавшийся от столкновения с моей мордой ком жгучего пуха полетел дальше к опушке уже в виде небольшого облака едва заметных белесых пушинок, между которыми изредка проскакивали миниатюрные багровые молнии.

Пока я разбирался с пухом, Янкель при помощи Хамзы забрался на сосну, снял с плеча снайперскую винтовку в походном чехле, быстро собрал ее и оборудовал себе что-то вроде огневой точки. Утвердив длинную винтовку в раздвоенном суку, он некоторое время ловил в прицел мелькающую среди перекрещенных деревянных балок голову безумного часового, затем делал поправку на расстояние и ветер, затем, затаив дыхание, плавно выжал спуск...

Крупнокалиберная пуля прошла через укрепленный металлическим листом борт вышки, как нож сквозь масло. Судя по всему, голова часового брызнула на деревянные балки кровью, осколками черепа и мозговым веществом. На таком расстоянии невозможно было разглядеть, но я не один раз видел, как оно бывает после попадания из снайперки. Сумасшедший исчез за деревянным бортиком. Оставшийся на бортике мегафон страшно зафонил.

В ту же секунду мы бросились вперед. Короткими перебежками, прячась за кустами и пригорками, мы быстро добрались до бетонного забора и залегли в канаве неподалеку. Пэпс вынырнул из кустов, хищно оскалившись и сжимая окровавленный нож – судя по всему, один из часовых «грешников», расставленных по периметру базы, приказал долго жить. Дрозд одобритительно поднял вверх большой палец, потом опустил его вниз. Пэпс хлопнул его по подставленной ладони.

Термит, который держал связь через ПДА с командирами подразделений других кланов и координировал с ними наши действия, жестом приказал: понемногу – вперед!

Беломор и Енот быстро налепили на забор взрывчатку, по цвету и консистенции напоминающую оконную замазку. К тому времени фонивший мегафон покойника уже заглох – что-то в нем перегорело от перегрузки, я думаю. Слезший с дерева Янкель догнал нас и тоже укрылся

в канаве. Тяжелую снайперскую винтовку он временно бросил в лесу и теперь был вооружен только «АКМК» и штык-ножом.

Вылепив на заборе кривой квадрат со стороной сантиметров в тридцать, саперы скастились в канаву, и Беломор, дождавшись команды Термита, дистанционно активизировал взрыватель. Над головами у нас глухо бухнуло, и двухметровая секция бетонного забора осыпалась внутрь огороженной территории. Когда мы сквозь облако пыли бросились в образовавшийся пролом, аналогичный приглушенный взрыв донесся с противоположной стороны базы – «должники» времени даром не теряли. Справа хлопнули несколько одиночных выстрелов: «Чистое небо» прорывалось через полуразрушенные железные ворота и шламбаум. Ожидаемого шквального огня, впрочем, так и не последовало: мы предполагали, что фанатики будут защищаться до последнего, однако ни мы, ни наши союзники за забором почти никого не встретили.

Проникнув за забор, мы оказались на хоздворе. Хлопали на ветру взломанные двери покосившихся деревянных сараев. Ворота ПТО и автомобильных боксов оказались распахнуты настежь, никакой техники внутри не было, кроме древнего остова «Нивы», который проржавел настолько, что уже начал в некоторых местах рассыпаться рыжей пылью. Одинок бродившего по двору доходягу в налобной повязке «грешника» и с американской автоматической винтовкой в руках мы с Пэпсом быстро скрутили, и Муха с оттяжкой перерезал ему горло. «Грешник» вел себя заторможенно, словно обдолбался, и не сделал даже попытки защититься. Он болтался у нас в руках, как тряпичная кукла. Однако на зомби он был похож мало.

Мы рассыпались по двору, быстро обшаривая постройки. Нигде не было ни души, только в одном сарайчике гнил укрытый толем труп в солдатском бушлате да под забором с внутренней стороны базы Патогеныч нашел какие-то полуразложившиеся, совершенно не поддающиеся идентификации останки – то ли человеческие, то ли мутировавшей человекообразной твари. Несмотря на полную нашу уверенность, что сегодня здесь собралась почти вся банда «грешников», территория заброшенной базы оказалась пустынной. Все это здорово смахивало на ловушку, и мы напряглись.

Хмурясь, Термит поглядывал на свой ПДА. Союзники тоже продвигались вперед, не встречая никакого сопротивления. Только один раз с той стороны, откуда атаковал «Последний день», донеслась пара коротких очередей. «Двадцать два, – машинально произнес я про себя, прислушиваясь к треску автоматных выстрелов, – двадцать два».

База словно вымерла.

У стены санчасти Дрозд обратил мое внимание на местный феномен. Древний «Москвич»-«каблук» висел в полутора метрах над асфальтом – словно стоял на невидимой эстакаде. Только не было под ним никакой эстакады – ни видимой, ни невидимой. Ветер свободно гнал под висящим в воздухе автомобилем мелкий мусор, и еще росли под днищем «Москвича» уродливые репейники, пробившиеся через трещины в асфальте. Феномен наверняка не таил угрозы, иначе «грешники» не оборудовали бы в непосредственной близости от него своей штаб-квартиры. Хотя кто его знает... Куда-то же они все подевались, в конце концов. Я уже неоднократно сталкивался с тем, что некоторые безобидные феномены Зоны после очередного выброса вдруг становились смертельно опасными.

Из бывшего пищеблока вынырнули двое незнакомых мне сталкеров в черных банданах. Сегодня это был отличительный признак бойцов четырех кланов, объединившихся против общего врага. Обычно мы носили серые банданы, или налобные повязки, «должники» – черные, «Небо» – синие, а члены «Последнего дня» – белые. Если повязать бандану не представлялось возможным, ее наматывали на предплечье. Честно говоря, черный цвет для совместного карательного отряда мы выбрали не потому, что «Долг» являлся зачинщиком или координатором сегодняшней акции, а из-за того, что такой материал проще было достать. Сегодня нам потребовалось много материала.

Я обменялся с союзниками несколькими жестами на безмолвном языке спецназа. Они сообщили, что с той стороны все то же – заброшенные строения и почти полное отсутствие людей. Им удалось кого-то подстрелить, но основные силы «грешников» словно провалились сквозь землю.

Ха. А это внятная мысль, как говорит один страус.

Я ухватил за плечо выпрыгнувшего из окна первого этажа Термита и показал рукой вниз. Термит кивнул, но вполголоса произнес:

– Возможна ловушка...

Ясное дело. То обстоятельство, что нам придется сунуться под землю, в узкие и сумрачные тоннели, беспокоило и меня, хронического клаустрофоба.

Вскоре от остальных союзников тоже пришли сообщения, что больше на базе противника нет. Оставалось два варианта: либо «грешники» срочно эвакуировались за час до нашего прибытия, оставив на базе мизерную охрану, либо действительно в полном составе спустились в подземелье. Для чего? Не встретит ли нас в тесных подземных коридорах, где преимущество будет не на стороне атакующих, плотный автоматный огонь или что-нибудь похуже?..

Например, Великий Червь, которому они молятся.

Термит пожал плечами.

– Раз мы ввязались в это дело, нужно доводить его до конца.

«Чистое небо» осталось контролировать оккупированную территорию клана «Грех», а остальные союзники спустились в подземные коммуникации. Военная база была построена уже после первого взрыва на Чернобыльской станции, поэтому грунт под ней был изрыт всевозможными тоннелями, бункерами, радиационными убежищами и кабельными отводами: необходимо было соблюдать строжайшую секретность и безопасность. Увы, второй взрыв превратил территорию базы в остров – она оказалась отделена от прочих уровней Зоны несколькими аномальными секторами, через которые можно было пробраться лишь с большим трудом и риском для жизни, так что дальнейшая эксплуатация базы военными оказалась невозможна. Несколько сотен солдат и офицеров из расквартированной здесь воинской части бесследно исчезли. Возможно, они пополнили ряды зомби, в огромном количестве блуждающих по расположенному неподалеку городку, а может, покоились как раз в тех самых подземных тоннелях и коммуникациях, в которые мы решили спуститься. Оружием, оставшимся после них в ружейных пирамидах, разжились мародеры, а остатки забрали члены клана «Грех», когда вышли с территории базы мародеров и устроили тут свою штаб-квартиру.

На базе имелось несколько входов в тоннели. Наша группа спустилась под землю из помещения ПТО – пункта технического обслуживания автомобильной техники. Одна из ремонтных ям в торце, противоположном лесенке, оканчивалась незапертой железной дверью с болтающимся на одной петле массивным замком. Термит распахнул дверь и, на вытянутой руке подняв фонарик над головой, осветил внутрь. Влажные бетонные ступеньки уходили в темноту, которая на глубине нескольких метров слабо рассеивалась тусклым желтым заревом – там начинался освещенный коридор.

– Вперед, – негромко скомандовал Термит и первым начал спускаться по осклизлой от сырости лестнице.

Проход оказался узким – это был запасный аварийный выход из подземных коммуникаций, не предполагавший особых удобств. Мы осторожно спускались, стараясь не прикасаться к стенам: на них мог сидеть гриб-невидимка – отвратительный плотоядный лишайник, повторяющий цвет и фактуру находящейся под ним поверхности столь идеально, что его почти невозможно различить на фоне покрытого этим лишайником предмета.

Тускло освещенный укрепленными под потолком лампами коридор, в который мы спустились, был полукруглым в сечении и довольно просторным. По голым бетонным стенам и потолку тянулись вдаль и скрывались за поворотом толстые кабели в защитной оплетке. В

бетонных тубингах там и сям виднелись низкие черные двери с небрежно нарисованными на них белой краской цифрами и буквами.

Пол тоннеля оказался усыпан всяким мусором. Енот пошевелил носком армейского ботинка одну из слежавшихся бесформенных куч и выворотил на свет божий человеческий череп, пару берцовых костей и проржавевший «калашников» без магазина. Брызнули во все стороны выпрыгнувшие из кучи крысы – их было слишком мало, чтобы атаковать, и среди них не было крысиного волка, чтобы организовать их в некое подобие коллективного разума, поэтому на них никто не обратил внимания. Только Пэпс с омерзением отдернул ногу, когда мимо него с писком проскользнул крупный уродливый грызун с почти свиным рылом.

Тронув Термита за локоть, я сделал жест, словно обеими руками отталкиваю от груди рывками что-то невидимое: как насчет бюреров? Термит пожал плечами, потом, поколебавшись, покачал головой. Подземелья Зоны были основным местом обитания карликов-телекинетиков, однако западнее Темной долины бюреры почти не попадались.

Откуда-то издалека гулко доносилось заунывное пение множества глоток. Это было похоже на какой-то исковерканный псалом. Проверая каждую попадающуюся на пути дверь – на всех висели внушительные навесные замки, – мы миновали угол и, без шума сняв задремавшего у стены часового, форсированным маршем устремились вперед. Пение раздавалось все ближе. Коридор еще несколько раз вильнул и наконец вывел нас в большое помещение, освещенное лампами дневного света – то ли машинный зал, то ли секретный цех. Оно располагалось ниже уровня коридора, и в него спускались пятиметровой высоты вертикальные железные лесенки. В дальнем конце помещения виднелся низкий пандус, выходивший в другой, более широкий тоннель, в котором запросто могли разехаться два грузовика; на этом пандусе за давно обрушившимся штабелем фанерных ящиков мелькнула черная бандана кого-то из союзников. В центре зала располагались какие-то агрегаты странной формы – то ли станки, то ли машины, от которых отходили и расползались по стенам толстые жгуты разноцветных кабелей.

А эта военная база совсем не так проста, как кажется снаружи.

Между агрегатов, поодиночке и группками, неподвижно стояли «грешники». Все они сосредоточенно смотрели в один из дальних углов и хором тянули какой-то странный однообразный мотив. Слов было не разобрать.

В ближнем углу у них, судя по всему, был оборудован стационарный алтарь. Огромный металлический куб, ранее служивший военным то ли сервером, то ли телефонной подстанцией, то ли еще чем-то похожим. Он был накрыт целлофаном, и на нем рядком лежали отрубленные человеческие руки и ноги. Священник в черной накидке отрезал от них широким ножом небольшие кусочки мяса и складывал на окровавленный поднос, который держал в руках неподвижно замерший перед ним рядовой «грешник». Судя по всему, они готовили какое-то сатанинское причастие.

Я поднял взгляд и только теперь разглядел то, что в первое мгновение принял за грубо и неумело изготовленное из дерева распятие. Вознесенный над нестройно поющей и бормочущей толпой, на противоположной стене висел большой деревянный крест, на котором были распяты останки человека в полуистлевшей камуфляжной куртке и потрепанной серой бандане. Покосившийся набок мумифицированный череп бессмысленно улыбался в пространство.

– Тайга!!! – прорычал Пэпс, выпрыгнув на составленную из металлических прутьев площадку над одной из ведущих вниз лесенок и начав щедро поливать свинцом импровизированный алтарь перед распятием и не успевших залечь грешников. – Тайга!!!

С двух сторон его вынужденно поддержали огнем мы и «Последний день».

Иван Тайга, легендарный ветеран нашего клана, пропал без вести несколько месяцев назад. В то время он уже серьезно копал под «грешников», поэтому мы давно подозревали, что к его бесследному исчезновению приложили руку эти твари. И только несколько дней назад

мы сумели получить достоверную информацию, что труп Тайги исполняет в центральном святилище «Греха» роль статуи Сталкера-Искупителя, искушаемого Великим Червем.

Шквальным автоматным огнем молившихся на Тайгу «грешников» смело с предалтарных ступеней. Многие были убиты на месте, некоторые попытались отползти под защиту алтаря, но мы добились их короткими очередями. На залитом кровью полу в числе прочих остались такие знаменитости, как Бес, зимой расстрелявший группу наших на выходе из бара «Сталкер», Штырь, попытавшийся однажды ограбить и убить Болотного Доктора, и Сержант, месяц назад без всякой видимой причины отрезавший голову Шнуру. Остальные залегли, расползлись по углам, забаррикадировались ящиками с инструментом и пытались отстреливаться. В пронзенном редкими лучами ламп пространстве поплыла густая дымка потревоженной пыли и пороховых газов. Едкая пороховая вонь выползала в коридор.

Пэпс не имел шансов. Нельзя терять головы, даже увидев собственного родного брата распятым на сатанинском кресте. То есть я вполне понимаю его чувства, но сам бы десять раз подумал, прежде чем в такой ситуации очертя голову бросаться в драку.

Беснующегося с автоматом в руках Пэпса быстро достали трассерами с трех точек. Он с размаху опрокинулся навзничь, захлебываясь кровью из пробитого легкого. Теперь железная площадка, на которой он лежал, защищала его от выстрелов снизу, но это уже не могло ему помочь. По меньшей мере два ранения были смертельными; у него оказались разворочены грудь и живот. Через несколько мгновений я увидел, как с пандуса с дырой в голове свалился один из союзников. Хамза ухитрился поймать пулю в правое плечо, и Патогеныч с проклятиями зажимал ладонью разорванное ухо. В принципе, мы были готовы к гораздо более серьезным потерям, полагая, что «грешники» будут до последнего отбиваться за забором своей базы, превратив ее в укрепленный форт. И все же было больно смотреть на содрогающегося в агонии Пэпса, жить которому оставалось не больше минуты.

Ладно. Скулить потом.

Мы находились в очень выгодной позиции, для того чтобы забросать «грешников» сверху гранатами и раз и навсегда закрыть тему этого клана ненормальных. Однако Термит все не подавал сигнала к гранатной атаке. Судя по всему, его беспокоило содержимое нескольких небольших желтых цистерн без надписей и опознавательных знаков, которые через неравные промежутки были расставлены между агрегатов. Впрочем, пара шальных пуль уже угодила прямо в цистерны, и теперь из пробитых железных емкостей тягуче вытекала какая-то желеобразная суспензия. Взрывать ее, похоже, не собиралась, так что Термит наконец решился. Он выхватил из кармашка разгрузочного бронежилета гранату и вырвал чеку.

И в этот момент жрец-«грешник», в самом начале нашей атаки резко присевший за алтарем, внезапно выпрямился во весь рост и откинул с головы капюшон.

Это был контролер.

Стрельба быстро стихала – контролер обрушил пси-удар на всех атакующих одновременно. Ничего удивительного, ведь у этой твари хватало сил на протяжении полугода удерживать под контролем целый клан сталкеров.

Мне показалось, что черная одутловатая морда мутанта с бесцветными пороссячими глазками внезапным скачком увеличилась, перекрыв поле моего зрения. В ушах у меня появился неприятный вибрирующий звон, перед глазами все поплыло, ноги стали ватными. Я наклонился и непослушными руками положил автомат на пол.

Значит, вот оно как. Мы с самого начала подозревали, что «Грех» попал под мощнейшее пси-воздействие неизвестного происхождения, но версию контролера отбросили довольно быстро. Контролеры считаются самыми разумными из мутантов Зоны, с ними даже можно поговорить и получить более или менее осмысленные ответы, если подобраться вплотную, однако их действия всегда незамысловаты и однотипны. Все-таки они не люди, их мозг необратимо поражен и видоизменен мутациями и беспощадными научными экспериментами. Сле-

дуя примитивным инстинктам и стремясь обезопасить себя в Зоне, они собирают вокруг себя стаю мутировавших существ и зомби, большую или меньшую, в зависимости от ментальных способностей конкретного контролера, которую удерживают в подчинении при помощи непрерывного пси-воздействия. Они бесцельно бродят со своей стаей по Зоне и время от времени поедают кого-нибудь из своих телохранителей. Бывали случаи, когда контролеры захватывали группы сталкеров или даже армейские блокпосты со всем личным составом. Но и тогда фантазии и возможностей этих тварей хватало только на то, чтобы заставить свои жертвы механически, тупо совершать привычные ежедневные действия, словно заученный ритуал, сохраняя лишь отдаленную видимость осмысленности.

Однако никто ни разу не слышал, чтобы превращенные в зомби жертвы контролера становились фанатичными религиозными боевиками, чтобы клан пси-атакованных сталкеров сохранял полную организованность и даже выполнял какие-то поручения торговцев, контактировал с коллегами, поддерживал полное впечатление осмысленной и бурной деятельности. Следовало признать, что этот контролер, целых полгода игравший в сталкеров группировки «Грех», словно в игрушечных солдатиков, по своим умственным и пси-способностям значительно превосходил всех своих собратьев. И помоги нам Черный Сталкер, если это – новая, возникшая после очередного выброса спонтанная мутация, потому что пары десятков таких тварей достаточно, чтобы в Зоне не осталось живых существ, думающих своими мозгами.

А мы-то решили, что обезумевшие «грешники» объявили нам войну! Нет – войну нам объявил скучающий контролер в сером капюшоне.

Это все мелькнуло у меня в голове за долю секунды, а в следующий момент я сообразил, что лежу на полу, скорчившись в позе зародыша. Видимо, контролеру все же удалось полностью взять меня под контроль и на какое-то время погасить сознание, поэтому что я делал до того, как упал на пол, осталось для меня загадкой. Впрочем, судя по всему, прошло всего несколько секунд, поскольку ситуация на поле боя не успела сильно измениться. Стрельба полностью прекратилась. Зомби-«грешники» выползали из своих укрытий и снова молча становились перед крестом Ивана Тайги. Задрав головы, они бесстрастно смотрели, как наши ребята медленно спускаются к ним по металлическим лесенкам. На моих глазах за краем лестничной площадки исчезли Хамза, Дрозд и Беломор. Лица у них были пустые, движения – вялые и механические; сталкеры сосредоточенно перебирали руками по перекладинам лесенки, словно каждое мгновение лихорадочно размышляли, как им следует двигаться дальше. Члены «Последнего дня» прыгивали прямо с пандуса, благо там было невысоко, и присоединялись к пастве.

Янкель стоял в полный рост неподалеку от меня. На лице его было написано страдание, дуло автомата, который он сжимал в руках, описывало восьмерки в воздухе. Рот Янкеля отчаянно кривился в безуспешной попытке что-то сказать.

– Х-х-х-х-хэм-м-м-м... – прохрипел он.

Похоже, возможности контролера были не безграничны. Ближайших к нему ребят он взял под контроль быстро и плотно, а вот на тех, кто стоял чуть дальше, его ментальных резервов уже не хватало, и контроль оказался неполным. Я же вовсе вывалился из его зоны контроля, либо ему уже не хватало концентрации внимания, чтобы управлять столькими разумами одновременно, и некоторых из нас, больше не представляющих опасности, он просто отпустил.

У перил одной из лестничных площадок я увидел Термита, который тоже явно боролся с контролером. Автомат его валялся на полу, но в руке по-прежнему была граната с намертво зажатыми в пальцах усиками взрывателя, и он то подносил ее к перилам – медленно, с усилием, то рывком отводил в сторону, словно кто-то невидимый пытался заломить ему руку за спину. По вискам Термита тек пот, зубы были стиснуты с такой силой, что я даже на таком расстоянии отчетливо слышал их скрип.

Внезапно лицо Янкеля окаменело. Он плавно начал разворачиваться к сражающемуся возле лестницы с самим собой Термиту – всем телом, вместе с автоматом, который, казалось,

тащит снайпера за собой. Я уже неоднократно видел такие же бесстрастные лица с опущенными книзу уголками губ, пустые взгляды, замедленные неловкие движения. Зомби попадались мне в Зоне достаточно часто.

Отталкиваясь от бетонного пола локтями и коленями, я преодолел полтора метра до своего брошенного автомата, когда услышал в голове знакомый мерзкий звон. Священник сатанинского культа Зоны не оставлял попыток остановить меня без крови. Кровь тут позволялось проливать только ему. Для чего ему испорченные солдатики?..

Я торопливо вскинул автомат к плечу и обхватил ладонью цевье, целясь Янкелю в ноги. Внезапная слабость снова охватила тело, ствол «калашникова» повело в сторону, и я уже в падении, почти не управляя собой, выпустил в пространство короткую очередь. «Двадцать два», – мелькнуло в голове, прежде чем я с размаху ударился скулой о бетонный пол.

Одна из пуль калибра 7,62 ушла в дальнюю стену подземного зала, а вторая вонзилась Янкелю точно под левую лопатку. Он медленно опустился на колени, все еще целясь в Термита, потом выпустил из рук автомат и лицом вниз повалился на пол. Контролер отключает у своих жертв болевые ощущения, поэтому они не теряют способности передвигаться, даже наспигованные свинцом или заживо пожираемые своим хозяином, однако если пуля попадает в жизненно важный орган, без которого невозможно функционирование человеческого организма – например, мозг или сердце, – зомби умирает, как любой из нас.

Только присутствие в моей голове искаженного сознания контролера, заставлявшего меня смотреть на мир отстраненно, словно сквозь мутное стекло, позволило мне не застонать от досады.

Термит поднял голову, услышав выстрелы. Я видел, как ему тяжело. Тем не менее он упорно сопротивлялся. Может быть, у него самого были задатки телепата. Не знаю. Он смотрел мне в глаза, а его левая рука с мучительно пляшущей гранатой медленно, очень медленно приближалась к перилам.

Задрав голову, контролер бесстрастно разглядывал нас. Если бы я мог, я бы спрыгнул вниз и голыми руками сломал ему шею.

Возникла невыносимая пауза. Мы с контролером смотрели на Термита. Прошла секунда вечности, две, три. Термит, скрипя зубами, пытался двинуть рукой в сторону стоящего внизу врага, но не мог преодолеть невидимого барьера. По лесенкам к нам торопливо карабкались снизу люди в черных банданах, которые теперь играли за противоположную сторону, которые больше уже не были людьми – контролер почувствовал нешуточную опасность.

Взревев от натуги и отчаяния, Термит вдруг качнулся вперед, к железным перилам, ударился о них животом, перевалился через перила, несколько мгновений балансировал ногами в воздухе, а потом потерял точку опоры и рухнул прямо с зажатой в руке гранатой вниз, на голову контролеру. Бороться с силой земного притяжения тот оказался не в силах.

Спустя мгновение внизу раздался взрыв, и куски черной плоти контролера взлетели над металлическими перилами.

А потом что-то сдетонировало и начало рваться непрерывно. И подземный зал стало заливать море огня, методично пожирая тех, кто еще не успел вылезти наверх – Хамзу, и Дрозда, и Беломора, и лежащего на лестничной площадке Пэпса, и многих других моих товарищей.

Я пытался вскочить, но тело мое будто набили ватой. Я пытался крикнуть, но мой голос все еще принадлежал контролеру, хотя уже и мертвому. Я попытался понять, где нахожусь, и в конце концов мне это удалось.

Динка сидела за столом с дымящейся сигаретой в руке и задумчиво смотрела на меня.

– Доброе утро, – бесстрастно сказала она. Я покосился на светящиеся в сумраке зеленоватые цифры электронного будильника – было без четверти три ночи. – Что, опять ходил к «грешникам»?

Вытатуированный дракон слегка шевелился в такт ее дыханию. Как-то раз я поинтересовался, не вредны ли светящиеся татуировки, которыми Карабах время от времени покрывает ее с головы до ног, а потом снова выводит. Динка ответила, что шастать каждую неделю в Зону гораздо вреднее. Стерва.

До чего же она красивая.

– Ходил, – просипел я. – К «грешникам». Дай промочить горло.

Она всунула в пакетик с соком соломинку и протянула мне. Я взял пакетик из ее рук и изо всех сил запустил им в стену. По стене поползло мокрое оранжевое пятно.

– Промочить горло, – повторил я.

Диана хмыкнула, сходила к холодильнику и протянула мне бутылку прозрачного и стакан. Стакан отправился вслед за соком. Я присосался к горлышку бутылки и несколько секунд глутал.

– Сдохнешь однажды от водки, – безразлично произнесла моя девочка, затушив сигарету в пепельнице на столе.

– Хрена, – сказал я, жадно хватая ртом воздух. – Не дождешься.

– Или меня задушишь во сне, – продолжала она.

– Хрена, – повторил я.

Приняв на грудь, я сумел взять себя в руки. Бушующее пламя, перехлестывавшее через железные перила, отступило, подернулось туманной пеленой.

Хрена. Тот, кто не пьет водки в Зоне, быстро умирает от лучевой болезни. Динка тоже пьет водку, только не из горла и не жадно – вот и вся разница.

– Иди ко мне, – велел я, утирая губы тыльной стороной ладони со старой полурасплывшейся татуировкой.

– Хрена, – дерзко сказала она.

Пришлось подняться, сходить к столу, сгрести ее в охапку и принести в постель на руках. Так оказалось даже лучше. Это у нас, стало быть, вышло вместо любовной прелюдии. Ненавижу все эти прелюдии; весь измаешься и испсихуешься, пока твоего дружка наконец пустят в тепленький чехольчик. Впрочем, сейчас я был не в настроении спрашивать разрешения. То есть, если бы я на самом деле почувствовал, что меня не хотят, я, конечно, не стал бы ломиться в закрытые двери. Думаю, ночь, когда я вздумаю изнасиловать Динку, окажется последней нашей совместной ночью. Но я видел, как лукаво блестят наглые глаза этой паразитки, я чувствовал правым предплечьем, когда нес ее в постель, как горячо и мокро у нее между ног. Несмотря на всю ее демонстративную независимость, ей нравится, когда ее подавляет грубый и наглый самец.

– Ты спишь со мной только из-за денег, – сказал я, когда все закончилось. Мы лежали рядом, курили и стряхивали пепел в банку из-под пива, стоявшую у меня на груди. Я был пьян, мои семенники были пусты – как всегда в подобных случаях, я превращался в капризную скотину. Мне хотелось, чтобы меня пожалели, потому что у меня не хватало сил на жалость к самому себе.

– Если бы мне были нужны деньги, я спала бы с Бубной, – сказала Диана.

– Логично, – признался я, глядя в потолок. – Хотя стоп, отставить. У него ног нет.

– Ты будешь очень удивлен, но в этом деле ноги – не главное.

– Чертова стерва, – проворчал я.

– Пьяная сволочь, – тут же откликнулась Динка.

– Маленькая сучка.

– Радиоактивное мясо.

– Шлюха.

– Козел.

Короче, в ту ночь мы любили друг друга еще три раза. А фигли!..

Глава 4. Охотники

Разумеется, следующим вечером я отправился к Бубне в «Шти» и согласился руководить безумным сафари. Вот такой я кретин, радиоактивное мясо.

Мы сидели за сдвинутыми столиками. Народу в баре почти не было, поэтому нам никто не мешал. Стриптиз-подиум с шестом стоял пустой и темный, в клетках-колоннах девчонок тоже не было – они заступали на смену в девять часов вечера. За стойкой бара маялся вместо Джо невыспавшийся молодой бармен с густой рыжей шевелюрой.

Клиенты мне понравились сразу. Даже несмотря на то, что трое из них были американцами. Однако они мало походили на стереотип современного штатовца, прочно утвердившийся в умах обитателей бывшей советской империи – трусоватый, недалекий, толстый педик, который называет женщин феминоамериканками во избежание судебных преследований за оскорбление личности, искренне полагает, что во Второй мировой войне Америка под командованием рядового Райана при некотором участии британцев разгромила объединенные русско-немецкие силы, а попав в армию, способен отказаться идти в наступление только потому, что в расположении части не подвезли туалетную бумагу. Клиенты были поджарыми, мускулистыми и неулыбчивыми, и то, что они не сушили ежеминутно десны в натянутых и фальшивых голливудских улыбках, расположило меня к ним еще больше. Только у Сэма Галлахера под джинсовой рубашкой обозначалось брюшко, однако это было аккуратное мускулистое брюшко спецназовца в отставке.

Клиенты были немногословными, смуглыми, с обветренными лицами, они держались с достоинством, но без панибратства; казалось, они все время настороже, чтобы вовремя уловить перемену в настроении собеседника и скорректировать свое поведение, дабы не вызывать ненужных столкновений с аборигенами. В общем, многочисленные экстремальные путешествия научили их правильно себя вести. Как только я увидел их, я понял, что передо мной мужики, настоящие волки из породы тех, что некогда отправлялись в Клондайк мыть золото, в Трансвааль – сражаться против английских колонизаторов и в джунгли Амазонки разыскивать Эльдorado. Впрочем, многое объяснялось еще и тем, что один из них, Альваро Камачо, оказался сложного славяно-латиноамерикано-индейского происхождения, и все трое были родом из штата Техас – штата настоящих мужиков, если верить западным фильмам, во многом сохранившего традиции старой Америки, государства пионеров, ковбоев и кавалеристов. Сэм, словно желая это подчеркнуть, явился в широкополой ковбойской шляпе, с которой он, как выяснилось позже, вообще никогда не расставался.

Третьим из американцев – а по значению, вообще-то, первым – был Мартин Донахью, миллионер, сколотивший состояние на торговле скотом и изготовлении из этого самого скота мясных консервов. Собственно, именно ему пришла в голову блестящая мысль отправиться в Зону поохотиться. У Мартина было вытянутое лицо типичного англосакса и руки человека, привыкшего к грубой физической работе. Специфические мозоли на костяшках пальцев и ребрах ладоней, появляющиеся от долгой и упорной работы с макиварой, я тоже отметил.

За четверть часа я узнал о нем довольно много. Выяснилось, что они с Альваро Камачо и Сэмом Галлахером учились в одном классе и еще тогда крепко подружились. С детства у всех троих имелась склонность к авантюризму. Их привлекал риск, они нуждались в постоянном притоке адреналина. Пока они были подростками, адреналиновые развлечения у них были вполне стандартными: драки стенка на стенку с такой же шпаной с соседней улицы, прыжки в небольшой водопад и на железнодорожную насыпь с движущегося товарняка, охота на пуму и побеги из местного полицейского участка. Однако, как выяснилось впоследствии, миллионеру доступны гораздо более интересные штуки.

Когда предприимчивый и энергичный Мартин резко пошел в гору, а его друзья так и остались протирать штаны в дешевых барах заштатного техасского городишки, он не забыл о своей преданной банде и нанял ее на работу. Собственно, частью капитала Донахью был напрямую обязан Камачо: с детства всерьез увлекавшийся химией Альваро придумал простую, но эффективную схему саморазогревающейся банки для консервов, так что тушенка Мартина, расфасованная в такие банки, быстро стала бестселлером. Честно говоря, при взгляде на Камачо трудно было представить, что он способен на серьезную мыслительную деятельность, но ладно, внешность обманчива; взять вон, к примеру, Енота. Что касается простоватого, но крепкого и верного Сэма Галлахера, круглолицего простодушного парня с армейской стрижкой-ежилом, действительно не обремененного тонким аналитическим умом, то он стал личным телохранителем Мартина, и уж его внешность вполне соответствовала новой профессии.

Когда бизнес Донахью встал на ноги и начал приносить солидный доход, Мартин затосковал по адреналину и стал вытаскивать своих неразлучных друзей в экстремальные экскурсии. Друзья, насколько я понимаю, не возражали, поскольку умереть от старости представлялось им самым неудачным финалом бурной жизни.

Троица безумных американцев ездила в Боливию и полтора месяца воевала с правительственными войсками в отряде местных партизан. В Новой Гвинее они жили в племени людоедов. В качестве туриста Мартин побывал на международной лунной станции, вбухав в это дело астрономическое количество бабок – Альваро не отправился с ним только потому, что не прошел предполетных испытаний, а Сэм наотрез отказался лететь в космос: был и у него свой предел психологической прочности. Кишка, короче, оказалась тонка у Сэма; впрочем, я его вполне понимаю и Мартин тоже понял. На собачьих упряжках они избороздили окрестности Северного полюса. Отправившись в Сахару на мотоциклах, они умудрились не только остаться в живых, но и привезти массу отснятого материала для «Нэшнл джиогрэфик». Некоторое время они воевали в Экваториальной Африке, в Австралии охотились на крокодилов, в Панаме – на акул, в Гренландии – на белых медведей. Не уверен, не стану врать, но однажды я, по-моему, даже видел их по телевизору в какой-то передаче навроде «Вокруг света». По крайней мере, фамилия Донахью была мне смутно знакома и ассоциировалась со списком Амундсен – Нобиле – Хилари – Сенкевич – Хейердал – Палкевич – Конюхов. Одним словом, им было что вспомнить и что предъявить на Страшном суде. Я им даже слегка позавидовал.

Впрочем, вспоминали-то как раз не они. Хотя, как выяснилось, двое из них более или менее сносно знают русский язык: Альваро – в силу происхождения и Мартин – поскольку изучал его в Звездном городке перед космическим полетом. Тем не менее к ним был приставлен секретарь-переводчик или уж не знаю кто, который молотил языком без умолку, в то время как мои клиенты флегматично прихлебывали «Оболонь» с сушеными кальмарами и изредка вставляли отдельные реплики. Переводчик оказался полной противоположностью клиентам: щупленький, маленький, взъерошенный, дерганый, с блуждающим взглядом и стремительной жестикуляцией. Он все время увлекался своим рассказом до такой степени, что начинал брызгать слюной и тянуть меня за рукав, а когда рассказывал про саморазогревающиеся банки Альваро, выдернул из держателя салфетку и попытался нарисовать на ней схему изобретения, но я отобрал у него салфетку и, скомкав, уронил в пепельницу. Этот тип мне сразу не понравился, я понял, что этот балласт мне большую часть пути придется нести на собственной спине. Прервав его, я поинтересовался у того, кто заказывал музыку: есть ли необходимость тащить в Зону вот этого вот сверчка? Мне было отвечено, что необходимость есть и в Зону идут пятеро туристов либо никто. Я не стал настаивать, но пометку в уме сделал. Это обойдется папаше Дорсету в лишние пятьсот долларов, как говаривал один классик.

Сверчок сразу надулся и замолчал. Звали его Миша Пустельга, и меня рассмешило абсолютное соответствие его фамилии и внутренней сущности.

Что касается пятого туриста, то кроме переводчика в интернациональную банду клиентов входил еще один славянин – Андрей Стеценко. Насколько я понял, он был киевским деловым партнером Донахью, и именно при его непосредственном участии была организована вся эта авантюра, подготовку к которой он курировал на месте. Именно он отвечал за то, чтобы тайно перебросить туристов и спецснаряжение в закрытый для посторонних Чернобыль-4. Стеценко был раза в полтора крупнее Пустельги и выше Сэма, но внешне все равно напоминал старшекурсника университета: подслеповатые сонные глаза, белобрысые волосы до плеч, кожаные фенечки на шее и худых руках, оранжевый значок на черной футболке с какой-то замысловатой фирменной эмблемой – GSC, что ли, я так толком и не разобрал, – развязная манера говорить. Ему вполне можно было дать лет двадцать с небольшим хвостиком, хотя я безошибочно определил на глаз, что он из поколения каштановой революции, другими словами, что ему хорошо за тридцать. Стеценко Мишу особо не перебивал, однако вел себя достаточно независимо и время от времени вставлял замечания, недвусмысленно демонстрирующие, что он тоже хозяин и с ним следует считаться.

Заткнув Мишу Пустельгу, я сообщил клиентам следующее:

– Значит, так, господа охотники. Я готов вести вас в Зону, но с одним условием: ваше беспрекословное подчинение. Запомните: Зона – это не усложненный вариант партизанских джунглей, Зона – это верная смерть после первого же неправильного шага. Я топчу Зону уже пять лет с лишним и до сих пор жив, а это большая редкость. Поэтому вам придется слушаться меня во всем и доверять мне больше, чем собственным органам чувств. Если я прикажу упасть лицом в грязь и затаиться – это нужно сделать раньше, чем до вас дойдет смысл приказа. Если я прикажу прыгать в огонь – нужно это делать не задумываясь, потому что это может быть единственным выходом из создавшейся ситуации. Размышлять, не ошибается ли ведущий в каком-то конкретном случае, запрещаю – иногда этих секунд может не хватить на то, чтобы начать действовать. То же самое относится и к помощнику ведущего: каждое его распоряжение должно быть для вас законом, если только его не отменил ведущий.

– Конечно, Хэм. – Донахью со сдержанным любопытством разглядывал меня, словно неведому зверушку, машинально бултыхая в бокале остатки пива. – Мы представляем себе, что такое Зона.

У него был варварский техасский акцент, и как всякий иностранец, поверхностно изучавший русский, он отчаянно путался в сложной грамматике. На самом деле его фраза прозвучала так: «Кониечно, Хэм, наши приедставляляль, что ест Зона».

– Ни черта вы не представляете, – сказал я. – Для этого недостаточно посмотреть пару документальных роликов и почитать статьи дураков-стрингеров, прорывающихся через Периметр. Необходимо сделать несколько шагов по этой проклятой земле, чтобы что-то понять. Но у вас будет такая возможность. Так что главное – чтобы первые шаги не стали для вас последними. Это ясно?

– Это ясно, братан. – Стеценко щелкнул зажигалкой и откинулся на спинку стула, выпустив в мою сторону длинную струю дыма. – Ты мне вот что скажи: тебе обязательно вот так топырить пальцы во все стороны? Люди тут подобрались тертые, бывалые, много повидавшие. Опытные охотники. Ни к чему нас давить своей крутизной. Давай не забывать, что ты просто наемный персонал.

– Счастливо оставаться, ребята, – сказал я, поднимаясь из-за стола.

Я двинулся к стойке бара, с удовлетворением отметив, что за моей спиной начался бурный обмен мнениями. Хе-Хе что-то возмущенно и энергично втолковывал клиентам.

Мартин Донахью перехватил меня на полдороге.

– Сэр, – серьезно произнес он, – я приношу вам самые искренние и глубокие извинения за нашего друга. Прошу вас, вернитесь за столик.

Пожав плечами, я вернулся на свое место. Вся компания, включая Хе-Хе, молча смотрела на меня – кроме Стеценко, который смотрел на дымящуюся у него между пальцев сигарету.

– Ребята, давайте взрослеть, – внушительно сказал я. – Вы придумали себе очень опасное развлечение. Все, чем вы занимались до этого, по сравнению с сафари в Зоне – детский сад. И если вы хотите выжить, на ближайшие пару дней я для вас – царь и бог. Мои слова должны быть для вас законом, мои действия – безусловным примером для подражания. При чем это начинает действовать не в тот момент, когда мы пересечем Периметр, а немедленно. Уже давно должно действовать, с тех пор, как вы предложили мне стать ведущим. Если хотя бы одна собака вспомнит вслух или даже просто подумает о том, что я – наемный персонал, с которым можно спорить и которым можно командовать, на нашей экспедиции можно будет смело ставить жирный черный крест. Могильный крест, господа. Нет, разумеется, сначала мы с помощником будем пытаться навести порядок, используя самые жестокие методы, но если и это не поможет – нам всем труба. Поэтому давайте сразу расставим все точки над «i». Если вы не готовы беспрекословно признать меня лидером, мы никуда не идем.

– Мы вполне понимаем, что Зона требует совершенно особых навыков и умений, которыми мы не обладаем, – произнес Мартин, нещадно коверкая несчастный русский язык. – Мы готовы полностью подчиняться вашему руководству, мистер Хемуль.

– А как остальные? – поинтересовался я. – Каждому следует решать самому за себя, в Зоне мистер Донахью уже не будет председателем совета директоров, имеющим решающее слово. Он будет просто одним из рядовых охотников, которого я стану гонять так же, как и всех остальных.

Все клиенты подтвердили, что согласны. Андрей Стеценко тоже подтвердил – неохотно, но достаточно спокойно, без особого выпендрежа.

Недокуренную сигарету он свирепо втоптал в пепельницу.

К тому времени, как я вкратце объяснил своим туристам положение вещей и закончил первичный инструктаж, в баре стало многолюдно. Из многодневной вылазки за Периметр вернулся Борода со своей командой отмычек, и они заняли дальний угол общего зала. В отличие от меня, он не потерял ни одного человека. Притащились зеленые от многодневного запоя Муха и Енот – пропивать остатки своего последнего гонорара. Явился Патогеныч, который немедленно уселся на свое любимое место за стойкой и издали начал знаками приглашать меня присоединиться к нему. Сегодня он, как и обещал, пил исключительно прозрачное. Появились тусовочные бездельники – Гурвинек, Сыпь и Пивкабы. Мельник и Крот с утра ушли на Милитари, зато целыми и невредимыми вернулись с Янтарного озера Астроном и Фаза. Они, кроме всего прочего, обнаружили в непролазных зарослях на берегу озера полурастасканные собаками человеческие останки в одежде Татара, так что его смело можно было вычеркивать из списка пропавших без вести. Кондратий умудрился попасть в жарку, и его с ожогами третьей степени оставили в лагере ученых, которые обещали вывезти его из Зоны на вертолете и отправить в госпиталь под видом одного из подсобных рабочих лагеря. Если бы военные узнали, что он проник в Зону самостоятельно, после госпиталя ему светил бы приличный срок. Однако ученые старались не подставлять вольных сталкеров, добывавших позарез необходимые им для изучения артефакты и в больших количествах покупавших казенное спецснаряжение и оборудование, которое ученые без счета списывали как утерянное или испорченное в результате воздействия агрессивных феноменов Зоны. Между сталкерами и учеными поддерживалось довольно прочное перемирие, основанное на самых крепких в наше беспокойное время связях – коммерческих.

Мы с клиентами выпили за упокой души Татара, чтобы ему хорошо лежалось. Когда мы ставили стопки на стол, меня сзади крест-накрест обхватил руками за плечи Енот. Он был совершенно пьян и навалился на меня всем весом – к счастью, небольшим, поскольку роста он крайне невысокого и телосложения не сказать чтобы богатырского. Совсем не сказать.

– Выпьем, Хемуль! – проговорил он заплетающимся языком, когда я снял его с себя и заставил стоять ровно. – Глотнем слез греха!.. За Татара, чтоб ему... – Он шумно перевел дух. – Чтоб ему хорошо лежалось! Эй, поилец! – он энергично замахал руками в сторону стойки. – Прозрачного всем за этим столиком на четыре пальца!..

– Ладно, Енот, поди отдохни, – я попытался деликатно отстранить приятеля от наших сдвинутых столиков. – Видишь, люди о серьезных делах разговоры разговаривают. Не рушь мне бизнес. Хе-Хе, убери-ка его. Мы уже только что выпили за Татара, успокойся.

– Вам что, лишний раз за Татара выпить в падлу?! – оскорбился Енот, отпихивая вставшего ему навстречу Хе-Хе. – Хемуль, ты ведь брат?.. Ты ведь брат мне?! Да кто вы все тут такие, чтобы вообще пить за Татара! – внезапно заявил он моим клиентам с дивной последовательностью вусмерть пьяного человека.

– Отвали, скворец, – брезгливо бросил Стеценко, безуспешно пытаюсь вытрясти из пачки новую сигарету.

Я с сомнением посмотрел на него, потом перевел взгляд на Енота. Киевский предприниматель был далеко не первым несчастным, кого жестоко обманули малые габариты и невинная физиономия моего приятеля. А Еноту просто крышу срывало, когда его принимали за малолетку или, что еще хуже, за женщину.

Судя по всему, сейчас состоится вынос тела.

Енот почернел лицом. Он приоткрыл рот и со свистом втянул в себя воздух, не веря собственным ушам.

– Чего ты сказал? – севшим от ярости голосом выговорил он, бесцеремонно раздвинув наши столы и кошачьим движением скользнув между ними к оппоненту.

– Все, все, замяли! – Поспешно вскочив со стула, я попытался через стол поймать Енота за плечо. – Он сейчас извинится...

– Канай отсюда, шкет. – Стеценко наконец удалось подцепить ногтями сигарету, и он потащил ее из пачки на свет божий. – Дай взрослым дядям поговорить спокойно.

Хаба-хаба, как говорит в таких случаях один страус.

Я бросился между нашими столами, расшвыряв их в стороны, и даже почти успел вклиниться между Енотом и Стеценко, но мой коллега искусным финтом ушел в сторону и, когда я попался на обманный прием, прыгнул мимо меня прямо на Андрея и опрокинул его вместе со стулом на пол. В общем-то, тут бы я его и оторвал от жертвы за шкуру и все окончилось бы парой синяков и бессильными проклятиями с обеих сторон, разведенных по разным углам, если бы стул Стеценко в падении не задел соседний столик, за которым расположились Астроном и Фаза.

Кипятить твое молоко!.. Все. Это была катастрофа.

Фаза выпрямился во весь рост, стряхнул с камуфляжной рубашки пролитое пиво и молча шагнул к нашему столику. Ростом он был с матерого кровососа. Первым, кто попался ему под руку, оказался Сэм, который, правда, весьма вовремя успел поставить блок, иначе лежать бы ему в глубоком нокауте рядом со Стеценко, которого как раз оседлал и стучал головой о пол бара Енот. Астроном тут же оказался рядом и вlepил прямой в скулу Альваро Камачо, после чего атаковал растерявшегося Мартина Донахью. Со стороны туалета с яростным кличем, снимая на ходу очки, уже набегал Муха, жаждущий поддержать товарищей, и быть бы победившему от ужаса Мише Пустельге размазанным по ближайшей стенке, но, к счастью, Муха по количеству принятого внутрь прозрачного двигался ноздря в ноздрю с Енотом, поэтому, добравшись до нашего столика, запутался в собственных конечностях, споткнулся и кувырком полетел через выставленную переводчиком ногу, которую тот не успел своевременно убрать под себя. Миша оказался гораздо более изумлен этим результатом, чем Муха, который, по моему, даже не понял, что произошло.

Дальше предотвращать крупномасштабную драку было бесполезно, поэтому я со вздохом отступил к стойке, забрался на высокий стул рядом с Патогенычем и уже оттуда наблюдал, как потасовка, раскручиваясь, словно эпицентр урагана, вовлекает в свой круговорот все новых и новых участников. На самом деле хорошая драка – первейшее средство для снятия стресса, значительно превосходящее алкоголь по терапевтическому эффекту. Хотя, с другой стороны, разумеется, драка без водки – деньги на ветер. Без драки не обходился ни один вечер в баре «Шти», так что все пока оставалось в рамках допустимого.

Единственно, мне бы не хотелось, конечно, чтобы мои коллеги всерьез искалечили моих клиентов. Мне с них хорошие денежки полагались как-никак. Сначала я даже хотел идти спасать американцев, но потом, разглядев, как технично они двигаются, решил не лезть. Пусть покажут себя, разомнутся. Опять же и нашим ребятам развлечение.

Сэм Галлахер дрался вдохновенно. Он явно попал в свою стихию; думаю, в Техасе он имел заслуженную славу одного из первейших кулачных бойцов. Его ковбойская шляпа мелькала то тут, то там, пока ее наконец не сбили у него с головы. Его кулаки двигались со скоростью двух паровозных поршней и, похоже, не уступали им в твердости. Изредка Галлахер что-то радостно выкрикивал по-английски – когда его кулак впечатывался в чью-либо физиономию или чужой удар не достигал цели. Хороший мужик, простецкий. Уважаю. И он славно держался один против двоих.

В отличие от телохранителя Галлахера бизнесмен Донахью дрался молча, движения его были расчетливыми и экономными. Драться ему особо не нравилось, по всему было видно, но некоторый минимальный кайф он при этом определенно получал. Хотя защиту ему явно ставил престарелый Джеки Чан: восемьдесят процентов блоков Мартина были рассчитаны на внешний эффект, на то, чтобы окружающие восхитились скупой красотой лаконичных движений. Думаю, сам Мартин был в этом не виноват, он двигался автоматически, как научили, а вот его учителю я бы непременно и с удовольствием показал пару прямолинейных и некрасивых приемов, которые проломили бы его защиту на раз. К счастью, наседавшие на Донахью сталкеры были уже под хорошим градусом, так что пока его оборона успешно держалась.

Альваро Камачо тоже показывал себя молодцом, хотя этому породистому красавчику с длинной гривой густо-черных волос, как у Десперадо или у моей Динки, любовные сражения наверняка были привычнее потасовок в барах. Кстати, и в лице Камачо было что-то неуловимое от Антонио Бандераса. Говорят, метисы и креолы очень часто получают крайне удачными на внешность, плюс еще русская мама Альваро, которая, прежде чем подцепить его индейско-мексиканского папу, почти наверняка работала в Америке проституткой или стриптизершей, а значит, тоже была не совсем образина. Камачо дрался размашисто, грамотно пользуясь своим природным преимуществом – длинными руками, которые позволяли ему не подпускать противника на расстояние удара. Астроном рассек ему бровь, но больше никто до физиономии Альваро добраться не смог, как ни старался.

Миша Пустельга бестолково болтался в гуще схватки, словно коровья лепешка в проруби, время от времени деловито втыкая один из кулаков между дерущимися – в общем, вполне соответствовал впечатлению, которое произвел на меня с самого начала. Впрочем, к его чести следует заметить, что он до сих пор оставался на ногах и пропустил не так уж много ударов, хотя это могло случиться оттого, что он не казался сталкерам интересным соперником и они в первую очередь стремились дорваться до Сэма или до Мартина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.